

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Российской академии наук

**ЛИНГВИСТИКА И МЕТОДИКА
ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

Журнал научных публикаций

Электронное научное издание

Выходит два раза в год

№ 2 (17)

Москва 2022

**INSTITUTE OF LINGUISTICS,
Russian Academy of Sciences**

LINGUISTICS AND LANGUAGE TEACHING

Electronic Journal

Published biannually

No. 2 (17)

Moscow 2022

ISSN 2218-1393

DOI: 10.37892/2218-1393

Издается с 2009 года

Редакционная коллегия

О. А. Гулыга

В. З. Демьянков

П. С. Дронов

А. В. Дыбо

Е. Р. Иоанесян (отв. редактор)

Д. Б. Никуличева

Н. М. Разинкина

Н. К. Рябцева

К. Я. Сигал

И. И. Чельшева

K. Hengst (Universität Leipzig)

R. Libertini (Katólicka univerzita v Ružomberku)

W. Mieder (University of Vermont).

Проблемы описания языка

Language Description

DOI: 10.37892/2218-1393-2022-17-2-4-27

Вариативность наклонений в безличных эпистемических конструкциях с пропозициональным дополнением в испанском и итальянском языках

А.А. Ануфриев (Институт языкознания РАН)

Аннотация

В статье рассматриваются особенности употребления безличной эпистемической конструкции *parece que* ‘кажется, что...’ испанского и аналогичных конструкций *pare che* и *sembra che* итальянского языка. Особое внимание фокусируется на проблеме вариативности наклонения глагола в зависимой части конструкции.

Ключевые слова

Испанский язык, итальянский язык, предикаты внутреннего состояния, эпистемическая оценка, пропозициональная установка, наклонение, индикатив, конъюнктив.

В данной работе мы описываем начальный этап сопоставительного исследования испанских и итальянских эпистемических глаголов. С помощью так называемых глаголов внутреннего состояния¹ (*знать, полагать*) говорящий описывает ментальные состояния субъекта (знание, мнение, сожаление). В романских языках глаголы и близкие по значению предикативы, описывающие оценку ситуации говорящим, могут употребляться в конструкции пропозиционального дополнения, выступая в роли модального оператора (*знаю,*

---

¹Употребляя данный термин, мы ориентируемся на работы А.А. Зализняк [Зализняк 2006].

кажется, надеюсь, что...). Как известно, семантика оценочного предиката во многом задаётся непосредственно контекстом употребления и зависит от множества прагматических факторов, что в целом характерно для предикатов внутреннего состояния как оценочных недескриптивных лексем.

Среди прочих факторов, корректирующих семантику предиката, одним из определяющих является корреляция между самим оценочным предикатом и употреблением наклонения глагола в зависимой части конструкции. Как известно, для романских языков проблема употребления пропозициональных глаголов связана с особенностями употребления формы индикатива или косвенного наклонения (конъюнктива/субхунтива²) зависимого глагола в диктальной части высказывания. Выбор наклонения может, с одной стороны, чётко задаваться семантикой пропозициональной установки: например, фактивные глаголы знания всегда требуют индикатива (*sé que vendrá/ so che verrà*), глаголы эмоционального отношения, как правило, употребляются с конъюнктивом (*espero que venga / spero che venga*). С другой стороны, выбор может определяться прагматическими целями говорящего и множеством других факторов, например, наклонение может быть смысло-различительным. В последнем случае мы наблюдаем так называемую вариативность наклонений (*alternancia de modos*), случаи нетипичного, неустоявшегося употребления (*usos vacilantes/contesti di scelta*). Употребление того или иного наклонения в таких случаях может корректировать семантику оценочного глагола, выводя на первый план одни оттенки значения и ослабляя другие.

В последнее время данная проблематика активно рассматривается в дескриптивных исследованиях испаноязычных специалистов: в первую очередь, это Дескриптивная и Новая грамматики испанского языка, работы Х. Порто Дапена, М. Анхелес Састре, Ф. Матте Бона [Gramática 2000; Gramática 2010; Porto Dapena 1991; Angeles Sastre 1997; Matte Bon 2001,2002]. Среди исследований итальянистов, касающихся данной тематики, можно

---

² Далее для удобства как испанский субхунтив (*subjuntivo*), так и итальянский конъюнктив (*congiuntivo*) в качестве оппозиции индикативу мы будем именовать общим термином «конъюнктив».

выделить работы Э. Ломбарди Валлаури, А. Леоне, М. Л. Альтери Бьяджи, М. Дардано и П. Трифоне [Lombardi Vallauri 2003; Leone 2002; Alteri Biagi 1987; Dardano, Trifone 1995].

В нашем исследовании мы фокусируем внимание на употреблении безличных эпистемических конструкций с пропозициональным дополнением с испанским глаголом *parecer* и итальянскими глаголами *parere* и *sembrare* со значением 'казаться' (*parece que/pare che/sembra che* 'кажется/похоже, что'). На наш взгляд, есть основания для сопоставления испанских и итальянских конструкций, образованных предикатами с сопоставимой семантикой. Во-первых, испанский и итальянский объединяют похожие процессы в развитии системы наклонений и состояние современной грамматической системы. Во-вторых, современное состояние обоих языков характеризуют общие тенденции, связанные с ростом употребления различных типов конструкций ненормативного наклонения. Притом, что грамматическое «противопоставление по признакам реальность/нереальность, достоверность/недостоверность» считается общим для романских языков [Грамматика и семантика 1978: 165], оппозиция индикатив/косвенное наклонение в каждом языке обладает своими особенностями. Если говорить непосредственно о конструкциях, образованных эпистемическими глаголами, то ситуация в испанском и итальянском одновременно обладает сходствами и кардинально отличается.

С одной стороны, в обоих языках именно контекстам употребления эпистемических нефактивных предикатов (путативных предикатов, глаголов мнения) в первую очередь свойственна вариативность наклонений. Считавшееся ненормативным употребление «неправильного» наклонения не является аномалией и давно описывается в дескриптивных исследованиях [Gramática 2000; Porto Dapena 1991; Angeles Sastre 1997; Bronzi 1997; Lombardi Vallauri 2003; Dardano, Trifone 1995]. При этом в конструкциях с определёнными предикатами оппозиция наклонений является смысловоразличительной³, в иных случаях го-

---

³ Классическим примером может служить употребление наклонений после испанского глагола *sentir*: *siento que vendrá/venga* 'я чувствую/сожалею, что он придет'.

ворят о нейтрализации или о главенствующей роли разнообразных прагматических факторов при выборе наклонения, если не меняющего, то корректирующего семантику эпистемического глагола в модусе высказывания. С другой стороны, именно в эпистемической сфере оппозиция индикатив/конъюнктив в испанском и итальянском реализуется по-разному с точки зрения нормативности/ненормативности. Как известно, для большинства испанских нефактивных глаголов мнения (*verbos de creencia, creadores de mundos*) употребление с индикативом – норма [Esbozo 1997], в то время как для итальянских прототипических глаголов мнения (*verbi di giudizio problematico*) нормативным является конъюнктив [Rohlf 1969].

Выбор исследуемых нами в данной статье предикатов обусловлен как частотностью употребления конструкций типа *кажется/похоже, что* в обоих языках, так и их семантическими особенностями. В отличие от конструкций с личными местоимениями типа *me parece que / mi pare che* ‘мне/тебе кажется, что’, описывающих уверенную точку зрения самого говорящего, семантика рассматриваемой безличной конструкции представляется более широкой и характерной для основных предикатов внутреннего состояния, описывающих эпистемическую оценку (*creer/credere* ‘считать, полагать’, *suponer/suporre, ritenere* ‘считать, предполагать’, *imaginar/immaginare* ‘полагать, воображать’). С помощью подобных безличных конструкций говорящий может описывать как общее мнение, кажимость, присоединяясь или дистанцируясь, так и свою собственную завуалированную точку зрения. Отчасти с этим связана и возможность вариативности наклонения диктального глагола конструкции. При этом функционирование именно безличной непрономинальной конструкции никогда специально не исследовалось отдельно ни испанистами, ни итальянцами, тем более в сопоставительном аспекте.

Далее мы подробнее охарактеризуем подходы к рассмотрению проблемы вариативности наклонений и конструкций с эпистемическими предикатами в испанской и итальянской лингвистической традиции.

Что касается испанского языка, если нормативная грамматика предписывает употребление индикатива после чисто эпистемических предикатов, то дескриптивные исследования говорят о возможности употребления конъюнктива у разных групп глаголов, в первую очередь, у так называемых миропорождающих предикатов (*creadores de mundos*) [Gramática 2000: 3222—3223]. Именно глаголы предположения, описывающие акцентированную гипотезу, подразумевающую альтернативу, обычно противопоставляются более нейтральным глаголам уверенного мнения, в контекстах с которыми употребление конъюнктива единичны, но тоже возможны. При этом подразумевается, что в принципе употребление ненормативного конъюнктива как наклонения неопределённости может снижать степень уверенности гипотезы, маркировать тот факт, что говорящий пытается от неё дистанцироваться [Angeles Sastre 1997: 98—99]. Таким образом, при анализе оппозиции индикатив/конъюнктив и употребления наклонений в целом господствует семантический критерий.

Значение конструкции *parece que* обычно определяется как выражение впечатления-ощущения относительно пропозиции. Дескриптивная грамматика делает упор на семантике впечатления-кажимости, на создании видимости в данный момент: говорящий описывает, как по определённым признакам у него создалось некое впечатление, некая видимость (*Parece que no me entiendes*. ‘Кажется/видимо, ты меня не понимаешь’) [Gramática 2000: 3223]. При этом при описании конструкции обычно акцентируется внимание на том, что в семантике глагола заложена информация, связанная со сферой эвиденциальности, т.е. указывающая на источник сведений говорящего относительно сообщаемого им факта. Обычно выделяют два типа суждений: суждение, сформированное на основе прямого, непосредственного опыта, и суждения, сформированные на основе логических умозаключений, либо передача чужого, общего мнения, расхожей точки зрения. Контексты с *parece que* могут вводить оба типа суждений, называемых также импрессивами и цитативами (квотативами) [Плунгян 2003: 321—323].

Ф. Матте Бон определяет конструкцию скорее как кватативную. Она вводит информацию, в истинности которой говорящий не уверен, которую он услышал от других. Говорящий не хочет брать ответственность за её истинность и таким образом дистанцируется (*Parece que el president va a dimitir* ‘Похоже, президент уходит в отставку’) [Matte Bon 2002, 265,307].

С одной стороны, грамматически конструкция является безличной, то есть описывает ситуацию, где говорящий не совпадает с размытым субъектом эпистемической гипотезы. С другой стороны, конструкция может описывать явно личные впечатления говорящего, и в этом случае он не прячется за безличный субъект/общее мнение. Интересно, что испанские лингвисты при описании фокусируют внимание на одном из двух вышеописанных основных значений конструкции, хотя она может выражать оба.

Несмотря на семантическую близость, Дескриптивная грамматика не включает глагол *parecer* в число миропорождающих глаголов и рассматривает безличную конструкцию с ним отдельно. Что касается употребления наклонений, то грамматика предписывает ему употребление с индикативом и конъюнктивом [Gramática 2000: 3223]. При этом подразумевается, что, как и в случае с другими предикатами, выражающими эпистемический прогноз, употребление ненормативного конъюктива может снижать степень уверенности гипотезы, маркировать тот факт, что говорящий пытается от неё дистанцироваться.

Наконец, в Новой грамматике также подчёркивается, что безличные контексты с *parecer* стоят особняком от других эпистемических конструкций. При этом употребление конъюктива в зависимой части связывается исключительно с контрафактивной семантикой: говорящий прямо указывает на то, что описывает нечто нереальное, неистинное (*Parece que el pueblo se hubiera quedado vacío, pero aún hay gente en la plaza*. ‘Кажется, деревня опустела, но на площади (на самом деле) все еще остались люди’) [Gramática 2010: 1900, 2827—2830]. Таким образом, авторы грамматики, по сути, выделяют ещё одно значение для конструкции.

В итальянской традиции все выглядит несколько иначе. В традиционных нормативных грамматиках с конца XIX в. конъюнктив определяют как наклонение, которое служит для представления «неопределенного, гипотетического, желаемого, сомнительного или субъективного действия» (*l'azione incerta, ipotizzabile, desiderata, dubbia o soggettiva*) [Marzullo 2003]. Подобное определение, противопоставляющее его индикативу как наклонению реальности и объективности, свойственно как испанской, так и шире общероманской традиции. В работах второй половины XX века [Rohlf's 1968; Алисова 1971; Bronzi 1977] в рамках данной парадигмы говорится о семантической связи конъюктива диктального глагола с группами предикатов модуса (помимо эпистемических предикатов это глаголы волеизъявления, эмоциональной оценки и др.). Несмотря на предписанное нормой обязательное употребление с конъюнктивом, эпистемическим глаголам⁴ в узусе (особенно в устной речи) свойственна вариативность (*libera alternanza de due modi*) [Алисова 1971: 177; Bronzi 1977: 432]. При этом, с одной стороны, при возможности свободного варьирования наклонений письменный язык («*competenza Toscana*») предпочитает конъюнктив, с другой, исследователи подчёркивают, что семантического подхода недостаточно для полноценного анализа ненормативных употреблений [Bronzi 1977: 429—430, 432].

В работах последних десятилетий [Lombardi Vallauri 2003; Leone 2002; Al; Dardano, Trifone 1995], касающихся данной тематики, в большей степени анализируются прагматические и социолингвистические факторы. В 2003 году на сайте Академии делла Круска была опубликована статья обзорного характера [Marzullo 2003], посвящённая употреблению конъюктива в современном итальянском языке и отчасти служащая ответом на популярные высказывания о «смерти» конъюктива в разговорной речи. Среди прочего

---

⁴А.М. Бронзи называет их «слабоассертивные глаголы» или глаголы «проблематического суждения» (*verbi assertive deboli/di giudizio problematico*), противопоставляя фактивным глаголам знания и собственно ассертивным предикатам типа *affirmare* ‘утверждать’ [Bronzi 1977: 431—432] которые употребляются исключительно с индикативом. В одну группу, таким образом, объединяются и прототипические глаголы мнения (*credere, pensare*), и соответствующие испанским миропорождающим предикатам глаголы предположения (*supporre, immaginare, sospettare*), и даже предикат понимания *capire*. В этом аспекте система эпистемических глаголов кардинально отличается от испанской, где глаголы уверенного мнения противопоставляются миропорождающим, поскольку последние в большей степени склонны к употреблению с конъюнктивом.

утверждается, что в письменной речи позиции конъюнктива по-прежнему сильны. В разговорной (и нередко в письменной) речи в некоторых случаях для говорящих его употребление не соответствует принципу лингвистической экономии и поэтому заменяется индикативом. При этом, по словам М.А. Альтьери Бьяджи, когда имеет место стилистическая или прагматическая необходимость, конъюнктив употребляется в качестве «фильтра при измышлении гипотез (*un filtro del pensiero ipotetico*)» [Altieri Biagi 1987: 770]. В своей работе Е.Ломбарди Валлаури, рассуждая о жизнеспособности конъюнктива в языке вообще и в разговорной речи в частности, также говорит в первую очередь о важности прагматических факторов (цели говорящего, тематика и тип текста) при исследовании количества употреблений индикатива и конъюнктива в конкретных типах контекстов [Lombardi Vallauri 2003:1].

В целом, современные работы итальянистов по интересующей нас проблематике в большей степени, чем исследования испанистов, ориентированы в сторону лингвистической прагматики, что вызвано как ориентацией на разговорный язык, так и специфическими особенностями развития языка и современной социолингвистической ситуацией.

Если говорить о попытках мотивировать употребление индикатива в контекстах с конкретными эпистемическими глаголами (как правило, приводятся примеры только с *credere* и *pensare*), то помимо типа дискурса (устный/письменный, более/менее формальный) обычно указываются следующие факторы [Marullo 2003; Dardano, Trifone 1995: 363—364]:

1. Желание говорящего модифицировать семантику эпистемического предиката, повысить или снизить степень уверенности гипотезы, употребляя соответственно индикатив или конъюнктив⁵.
2. Влияние диалектов: конъюнктив не употребляется во многих ареалах, прежде всего в южноитальянских диалектах.⁶

---

⁵ Например, *pensare* с индикативом описывает уверенность (*Penso anch'io che tu sei stanco*), а с конъюнктивом — просто предположение (*Penso che tu sia stanco*) [Serianni 1989: 556].

⁶ О возможном влиянии не только южных, но и северных (например, ломбардского) диалектов пишет ещё Рольфс [Rohlf's 1968, 72].

3. Нехватка для многих конструкций⁷ канонических примеров в качестве образцов, например, из классиков итальянской литературы.

4. Наличие в высказывании дополнительных лексических средств эпистемической оценки: оппозиция уверенной/неуверенной гипотезы всё чаще реализуется не через оппозицию наклонений, а лексическими средствами создается оппозиция (*sono certi che viene* вместо *pensano che viene*).

Отдельно обращают внимание на примеры с формами индикатива второго лица единственного числа: нередки такие фразы, как *Penso che sei qui*. В качестве гипотезы говорится о том, что индикатив может употребляться из-за омонимии форм конъюнктива 1-го, 2-го и 3-го лица (например *sia, sia, sia* для глагола *essere*): используя форму индикатива говорящий точно даёт понять о ком идёт речь [Serianni 1989: 555].

Наконец, по мнению ряда лингвистов, грамматическим фактором «регулярного устранения конъюнктива» является отнесение действия диктальной пропозиции к будущему времени [Алисова 1971: 179]. Как известно, будущее время в принципе обладает семантикой неуверенности, часто выступает в модальных значениях, располагаясь как бы между наклонениями реальности и ирреальности. Выбирая форму будущего времени, говорящий избегает выбора между ними, используя при этом весь спектр эпистемических возможностей, от слабой догадки до абсолютной убедительности.

Ещё раз подчеркнём, что в отличие от испанского *parecer*, итальянские глаголы *parere* и *sembrare*⁸ не рассматриваются отдельно, а упоминаются в ряду других эпистемических глаголов в основном в прономинальных формах⁹ (*mi pare che*).

---

⁷ Как правило, «неправильные» примеры (обычно с глаголом *credere*) приводят, начиная с Данте (*Io credo che 'ei credette...*) [Rohlf 1968, 72].

⁸ Итальянские глаголы синонимичны друг другу, притом, что *sembrare* чуть более характерен для письменной, а *parere* чаще встречается в устной речи.

⁹Исключением можно назвать грамматику Рольфа, где *parere* причислен к группе предикатов, описывающих возможность или видимость (*la possibilita o l'apparenza*), и где приводится пример с непрономинальной формой [Rohlf 1968: 70].

В нашей работе мы, используя метод сплошной выборки, рассмотрели контексты с *parece que*, *pare che* и *sembra che*, которые дают корпуса и попытались как выявить статистику употребления наклонений, так и выявить факторы, влияющие на выбор наклонения говорящим, где это представляется возможным. При этом мы ограничились основными (неспециальными) корпусами современного употребления (CREA, CORIS, CODIS) и историческими корпусами (CORDE, DiaCORIS), содержащими почти исключительно письменный узус испанского¹⁰ и итальянского языков. Отметим, что использование исторических корпусов позволяет проследить, когда исследуемая конструкция становится частотной в языке и в какой мере развитие языка отражается на употреблении наклонений. Учитывая частотность исследуемых конструкций, мы ограничились только контекстами, где эпистемические предикаты стоят в первой синтаксической позиции (*Pare che...*).

На наш взгляд, на основе проведённого исследования контекстов можно выделить четыре основных смысла, выражаемых исследуемыми конструкциями:

Первый и самый распространённый тип контекстов можно условно назвать рациональной гипотезой: говорящий описывает общую точку зрения или собственную гипотезу, основанную на размышлении, впечатлении, сложившемся у общества или у самого говорящего на основе анализа ситуации. В любом случае речь идёт не о непосредственном впечатлении говорящего, а о формировании точки зрения на основе полученных данных:

1. *Parece que, al separarse de Austria, Hungría se ha separado (индикатив) también algo de Occidente.* [CREA] ‘Кажется, что, отделившись от Австрии, Венгрия в какой-то степени отделилась от Запада’.¹¹

---

¹⁰ В случае с испанским языком мы отдельно вели статистику и анализировали контексты из пиренейского и латиноамериканских ареалов, что обусловлено существенными различиями в употреблении эпистемических глаголов в латиноамериканских вариантах испанского языка. Подробнее о функционировании конструкции *parece que* в латиноамериканском ареале см. [Ануфриев 2021].

¹¹ Здесь и далее переводы всех примеров выполнены нами – А.А. Ануфриев. После каждого примера указано сокращённое наименование корпуса.

2. *Sembra che fra poco di un mese Trump, MBZ e Netanyahu firmeranno* (индикатив) *un accordo di Pace*. [CORIS] ‘Похоже, что, где-то через месяц Трамп, МБЗ и Натаньяху подпишут мирный договор’.

В подобных примерах не всегда ясно из контекста, излагает ли говорящий общепринятую точку зрения или сам дошёл до мысли, излагаемой в зависимой части конструкции. Вполне логично, что подобные примеры часто встречаются в прессе и научно-популярной литературе, где могут обсуждаться проблемы, не связанные с личным опытом высказывающего гипотезу. Гипотеза в достаточной степени уверенная, хотя и преподносится, только как гипотеза.

Второй значительно менее распространённый тип контекстов можно определить как гипотезу-припоминание, в большей степени связанную с восприятием самого говорящего:

3. *Parece que cuando se sintió morir preguntó* (индикатив) *¿tengo nietos?* [CORDE] ‘Кажется, когда он почувствовал, что умирает, он спросил, есть ли у него внуки’.

4. *Pare che lavora* (индикатив) *in una casa editrice. Scrittore? No, qualcos'altro*. [CORIS] ‘Кажется, он работает в издательстве. Писатель? Да нет’.

В таких контекстах говорящий припоминает свой прошлый опыт и как бы снимает с себя ответственность за свою память: попытка вспомнить принимает вид эпистемической гипотезы.

Третий тип контекстов с *parece que* можно условно назвать импрессивным. Говорящий высказывает гипотезу, исходя из собственного (обычно перцептивного) опыта:

5. *Parece que está* (индикатив) *agonizando*. [CORDE] ‘Кажется, он при смерти’.

6. *Sembra che stai* (индикатив) *per svenire/schiattare*. [CORIS] ‘Похоже, ты вот-вот упадешь в обморок/помрёшь’.

В примерах 5 и 6, иллюстрирующих весьма распространённую модель, впечатление говорящего явно основывается на собственном перцептивном опыте (он наблюдает за физическим состоянием третьего лица или собеседника). При этом из контекста не всегда

ясно, какого рода впечатления (перцептивный опыт или ощущения и затем анализ ситуации) являются основой гипотезы. Естественно, что чем больше впечатление исходит из непосредственного восприятия, тем больше степень уверенности гипотезы, и соответственно больше вероятности появления индикатива, нормативного для испанского и нередко встречающегося в подобных контекстах в итальянском языке.

При этом все контексты подобного рода характеризуются следующим: даже в случае гипотезы, не основанной на непосредственном перцептивном опыте, ситуация всегда каким-то образом связана лично с говорящим. Это отличает данные контексты от условно кватативных, где речь идёт в большей степени о социуме вообще, а не о личной сфере говорящего.

Наконец, на наш взгляд, в отдельную группу можно выделить контексты, описывающие заведомо иллюзорные ситуации, фантастические образы, где на передний план выводится именно семантика кажимости у рассматриваемых глаголов. Подобные контексты близки вышеупомянутым контрафактивным контекстам (на русский язык эти контексты для удобства мы будем переводить *кажется, будто...*):

7. *Parece que **estuviera** (конъюнктив) viva.* [CREA] ‘Кажется, будто она живая’.

8. *Ora nel silenzio totale sembra che tutto **si sia fermato** (конъюнктив), persino i pianeti. Sembra che la notte **sarà** (индикатив) per sempre.* [CORIS] Теперь в полной тишине кажется, что все остановилось, даже планеты. Кажется, что ночь будет всегда’.

Притом, что именно в последней группе контекстов иллюзорность (т.е. по сути, заведомая ложность) гипотезы непосредственно эксплицируется, семантика кажимости наличествует во всех рассмотренных высказываниях: гипотеза с определённой долей вероятности может быть ошибочна.

Во всех вышеприведённых примерах в каждом из четырех случаев в испанском и итальянском употребляется одно и то же наклонение, но на самом деле практически во всех значениях рассматриваемых глаголов говорящий может употреблять оба наклонения. Обращает на себя внимание пример 8 из итальянского художественного текста, где в одном

прагматическом контексте говорящий подряд употребляет конструкции с ожидаемым конъюнктивом и гораздо менее прогнозируемым индикативом. Если не принимать во внимание возможность нейтрализации оппозиции по прагматическому произволу говорящего, можно предположить следующее: говорящий сначала подчёркивает фантастичность гипотезы, используя конъюнктив, а потом с помощью маркированного индикатива представляет воображаемое более реальным.

Далее охарактеризуем ряд наиболее заметных тенденций употребления наклонений в каждом из языков.

Если исходить из корпусных данных в испанском языке Испании употребление нетипичного/менее типичного конъюнктива чуть чаще встречается, чем в его латиноамериканском варианте (статистику употребления см. в таблице 1).

Таблица 1¹²

<i>Parece que</i>	CREA	CORDE
Испания	1697/113	2710/136
Лат. Ам.	1200/91	1000/100

Подавляющее большинство таких контекстов относится к художественной литературе. Наибольшее количество примеров с конъюнктивом зафиксировано в Испании, Аргентине, Уругвае, Чили, Перу и Венесуэле (надо отметить, что в этих странах в принципе зафиксировано больше примеров с *parece que*, и почти во всех латиноамериканских вариантах процент исключений приблизительно одинаков — около 10%).

Вполне логично, что чуть больше половины примеров с конъюнктивом представляют собой иллюзорные, фантастические гипотезы. По сути, данное значение маркируется именно ненормативным употреблением наклонения, когда говорящий хочет

¹²В приведённых в статье таблицах в каждой из ячеек первая цифра отображает общее количество вхождений конструкции в соответствующем корпусе, вторая — количество контекстов с менее типичным наклонением.

сфокусировать внимание именно на контрафактивной семантике высказывания. С одной стороны, здесь нельзя говорить об ослаблении степени уверенности с помощью конъюнктива, так как заведомо фантастическая гипотеза в принципе не верифицируема, а говорящий сам постулирует то, что описывает нечто нереальное. С другой стороны, конъюнктив как наклонение ирреальности всегда употребляется в придаточных предложениях образа действия (*oraciones subordinadas de modo*) с союзом *como si* ‘как будто’, которые на самом деле синонимичны ирреальной гипотезе. Возможно, конъюнктив, употребляется носителями по аналогии, тем более что в подавляющем большинстве случаев в латиноамериканском варианте, как и во фразах с *como si*, используется форма имперфекта (*imperfecto de subjuntivo*), хотя речь идёт об актуальной ситуации (т.е. действует правило аналогии, а не согласования времён):

9. *Parece que te comiera (конъюнктив) un gusano el corazón!* [CORDE] ‘Кажется, будто червь гложет твоё сердце’.

Нередки контексты с конъюнктивом, где соседствует контрафактивная и импрессивная семантика. Часто они содержат очевидную иронию, эмоционально окрашены и непосредственно рассчитаны на перлокутивный эффект. Сравним следующие примеры:

10. *Parece que vives (индикатив) de nostalgias.* [CREA] ‘Кажется, что ты живёшь воспоминаниями’.

11. *Parece que todos seamos (конъюнктив) economistas.* [CREA] ‘Мы здесь как будто прямо все экономисты’.

12. *No tender otra cosa qué hacer. Desde luego que no. Parece que disfrutes (конъюнктив), maja.* [CREA] ‘Мне больше делать, думаешь, нечего. Естественно. Тебе, кажется, просто нравится издеваться’.

13. *Parece que esté (конъюнктив) estreñado.* [CREA] ‘Похоже, у него запор’.

Если в примере 10 говорящий просто описывает свои ощущения от собеседника, высказывая предположение о его внутреннем состоянии, то пример 11 представляет собой

не столько гипотезу, сколько выражение иронии по отношению к себе и собеседникам. В примерах 12 явно описывается ироничная критика в адрес собеседника, а в 13 и вовсе прямая насмешка.

Представляется, что в примерах 11—14 с помощью конъюнктива говорящий маркирует высказывание как ненастоящую гипотезу, акцентируя внимание на собственном отношении к происходящему.

Обращает на себя внимание также следующий пример:

14. *Parece que **exista** (конъюнктив) para todo lo innovador una suerte de sala de espera en que aguarde hasta tanto deje de sorprendernos y por lo tanto deje de ser Nuevo.* [CREA] ‘Кажется, что для всего инновационного существует некий зал ожидания, в котором оно содержится, пока не перестанет удивлять нас и, следовательно, перестанет быть Новым’.

Данная гипотеза явно с контрафактивной семантикой, при этом говорящий очень подробно описывает свое видение и как будто заставляет собеседника представить себе эту заведомо ложную реальность. В этом отношении данный пример сближается со специфическими миропорождающими конструкциями типа *supongamos/imaginamos que* ‘представим, что...’, где также часто употребляется конъюнктив (подробнее о контекстах данного типа см. [Ануфриев 2013]).

Наконец, следующие примеры явно не относятся к контрафактивным, они принадлежат разным типам дискурса, и велика вероятность того, что конъюнктив употребляется просто для снижения категоричности высказывания, степени уверенности гипотезы:

15. *Parece que este asunto no **tuviere** (конъюнктив) importancia.* [CREA] ‘Кажется, будто эта проблема совсем не важна’.

16. *Parece que la cantidad de películas estrenadas en los primeros seis meses del año **fuera** (конъюнктив) inferior a la del año pasado.* [CREA] ‘Кажется, количество фильмов, показанных в первом полугодии, меньше, чем в прошлом году.’

В примере 15 говорящий с помощью конъюнктива, видимо, выражает своё сомнение, несогласие с общей кажимостью. Пример 16 всего лишь описывает статистику, и наличие конъюнктива кажется более чем странным. Можно предположить, что его употребление намекает на субъективность гипотезы, которая основана в большей степени на ощущениях, чем на конкретных данных.

Таким образом, конъюнктив в исследуемом типе конструкций может выражать низкую степень уверенности говорящего, несогласие с общим чужим мнением, как и в конструкциях с другими эпистемическими глаголами. В то же время часто употребление нетипичного наклонения маркирует ненастоящую/контрафактивную гипотезу для достижения различных перлокутивных целей.

Что касается аналогичных контекстов в итальянском языке, то статистические показатели уже отличаются: глагол *sembrare* в целом даёт больше примеров, но в процентном соотношении в контекстах с *parere* и *sembrare* приблизительно одинаковая доля примеров с нетипичным индикативом, приблизительно в два раза меньше, чем в контекстах с *parecer* (см. таблицу 2).

Таблица 2

	CORIS	CODIS	DiaCORIS
Pare che	833/36	408/25	264/10
Sembra che	1000/44	632/28	194/4

Корпусные данные подтверждают, что наиболее характерные контексты с индикативом это контексты с формами будущего времени. Так, например, в диахроническом корпусе у *parere* большая часть примеров без конъюнктива представляют собой высказывания с формами будущего времени или кондиционала. При этом в корпусах современного употребления такого подавляющего преобладания уже нет, а у глагола *sembrare* в одном из корпусов и вовсе преобладают индикативные примеры не с будущим (всего 12 из 28). Хотя, на наш взгляд, говорить об оппозиции конъюнктив/будущее или противопоставлять будущее время другим временам изъявительного наклонения

неправомерно, можно согласиться с тем, что его семантика, как и у конъюнктива, связана с выражением неуверенности, и в то же время с повышением ассертивной силы высказывания.

Таким образом, если пытаться анализировать прагматический компонент высказывания, в типичных контекстах с индикативом, когда гипотеза относится к будущему, говорящий подчёркивает достаточную или абсолютную уверенность в истинности своей гипотезы, нередко приводя доказательства, чем-то подкрепляя своё/общее мнение. Семантика кажимости, иллюзорности при этом отходит на второй план. Подобные высказывания (обычно это первый тип из вышерассмотренных) характерны для языка прессы, научно-популярной и художественной литературы, где имитируется разговорная речь:

17. *Pare che quest'anno, affine campionato, dovrà (индикатив) fare i complimenti ai suoi vicini.* [CODIS] 'Похоже, в этом году, по окончании чемпионата, он должен будет поздравить своих соседей'.

18. *Pare che mercoledì saranno (индикатив) in maggioranza: 30 mila contro 22 mila italiani però nessuno si fida delle stime.* [CODIS] 'Похоже, что в среду они будут в большинстве: 30 тысяч против 22 тысяч итальянцев, но никто не доверяет оценкам'.

19. *Pare che Mike Sinovier — attuale president della mafia, uomo raffinatissimo che parla un inglese de Oxford — finirà (индикатив) per presiedere il vertice segreto.* [CORIS] 'Похоже, что Майк Синовьер — нынешний глава мафии, утонченнейший человек, владеющий английским на уровне Оксфорда — в конечном итоге будет председательствовать на тайном собрании'.

20. *Pare che molti licei metteranno (индикатив) in corridoio il jukebox delle poesie. Però a me piace immaginare che lo comprino (конъюнктив) anche i bar.* [CORIS] 'Похоже, многие школы поставят в коридоре автомат со стихами. Но мне нравится думать, что его купят и бары'.

Если пример 17 можно считать просто изложением уверенного предположения, то в последующих примерах отношение говорящего к гипотезе эксплицируются. Пример 18 описывает уверенность на контрасте с разочарованием в том, что никто не верит здравым прогнозам. В примере 19 эксплицируются аргументы в поддержку гипотезы. Наиболее интересным представляется пример 20, где говорящий противопоставляет уверенную гипотезу своему воображению, собственной иллюзии, используя соответственно *parere* с индикативом и миропорождающий глагол *immaginare* с конъюнктивом.

Далее приведём ряд примеров с обоими итальянскими предикатами с индикативными формами, где гипотеза направлена не в будущее.

21. *Pare che Callippo (ma in proposito non abbiamo una documentazione precisa) aggiunse (индикатив) una sfera per ogni pianeta.* [CORIS] ‘Кажется, Каллип (хотя у нас нет точной документации по этому вопросу) добавил сферу для каждой планеты’.

22. *Pare che un giorno del 1810 Alessandro, mentre si trovava a Parigi, smarri (индикатив) la moglie in mezzo alla folla e cadde (индикатив) in preda ad una crisi di panico.* [CORIS] ‘Оказывается, однажды в 1810 году Алессандро (Мадзони), находясь в Париже, потерял жену в толпе и впал в панику’.

В примере 21 из научно-популярного дискурса говорящий, скорее всего, с помощью индикатива подчёркивает состоятельность исторической гипотезы вопреки отсутствию доказательств. Пример 22 представляет собой скорее припоминание факта, о котором, очевидно, говорится в источниках, и двойное употребление индикатива кажется логичным.

23. *Pare che nessuno tiene (индикатив) famiglia, l'unica parentela è il matrimonio.* [CORIS] ‘Кажется, ни у кого нет семьи, а единственные родственники — это муж или жена’.

24. *Sembra che oggi solo l'incontro con la morte buca (индикатив) la ragnatela dell'illusione.* [CORIS] ‘Похоже, что сегодня только встреча со смертью поможет разорвать паутину иллюзии’.

В типичных примерах 23 и 24 описываются ощущения от осознания неприглядной реальности. Выбирая индикатив, говорящий, видимо, фокусирует внимание на констатации очевидного, избавлении от иллюзий. Гипотеза становится для него субъективной истиной, хотя формально не доказана.

Если говорить о контекстах с индикативом, характерных именно для *sembrare*, то нам встретилось довольно много (свыше 10) примеров (обычно это художественный текст, имитирующий разговорный дискурс), где говорящий описывает плохое самочувствие собеседника (см. также пример 6):

25. *Sembra che hai (индикатив) il ballo di San Vito.* [CORIS] ‘Кажется, что у тебя пляска святого Вита’.

Чаще всего конструкция строится по модели *sembra che hai/stai/sei*, и употребление индикатива может быть вызвано, на наш взгляд, как вышеописанным желанием избежать омонимии форм конъюнктива и указать на собеседника, так и стремлением повысить степень уверенности гипотезы, представить важную для собеседника информацию как нечто очевидное.

Также можно выделить ряд контекстов из художественной литературы, где модус *sembra che* вводит своего рода максиму, где один тезис неизбежно следует из другого. Эту неизбежность, вероятно, и подчёркивает выбор индикатива:

26. *Sembra che più ci si invecchia (индикатив) più ci si attacca (индикатив) a questa nostra carne.* [CORIS] ‘Кажется, чем старше мы становимся, тем больше привязываемся к этой нашей плоти.’

27. *Sembra che più sono (индикатив) tossici e pieni di sapori e più la tua mamma riesce (индикатив) a mandarli giù.* [CORIS] ‘Кажется, что чем больше они токсичны и чем сильнее пахнут, тем больше ваша мама может их переварить’.

Если резюмировать анализ данных итальянских корпусов, можно говорить о ряде типичных контекстов, где выбор индикатива говорящим можно спрогнозировать.

Притом, что между контекстами с *pare* и *sembra* нет особенной разницы, определённые типы контекстов свойственно именно *sembrare* (см. примеры 6, 25—27).

Формы будущего употребляются часто, но ими нетипичные контексты с индикативом не ограничиваются. Подобные контексты, как правило, встречаются в языке прессы, а индикатив используется для повышения асертивной силы высказывания.

В научно-популярном и художественном дискурсе в основном встречаются формы настоящего (*presente*) и составного прошедшего времени (*passato prossimo*). Среди контекстов настоящего времени значительное число составляют вышеописанные примеры с формами второго лица единственного числа.

Рассмотренные конструкции с *pare* и *sembra* имеют в итальянском языке в целом схожие прагматические значения с испанскими высказываниями *parece que*. Разница, что вполне предсказуемо, связана со сменой ролей более и менее типичного наклонения. Нетипичный индикатив часто служит для развенчания иллюзорности гипотезы. В то же время, исходя из корпусных данных можно даже предположить, что в некоторых явно оценочных контекстах¹³ именно индикатив (а не конъюнктив, как в испанском) как маркированный член оппозиции предаёт высказыванию эмоциональную окраску.

В целом (если опять же не учитывать возможность нейтрализации оппозиции наклонений, характерной для разговорной речи) употребление индикатива, служит маркером уверенного эпистемического прогноза. Говорящий подаёт свою гипотезу как более весомое заявление, часто мотивируя свою/общую точку зрения конкретными аргументами. В этом смысле безличные фразы с индикативом сближаются с местоименными конструкциями типа *mi pare*, в принципе выражающими более уверенную точку зрения.

Если подводить итоги и говорить об общих чертах функционирования анализируемых конструкций в испанском и итальянском языках, то можно перечислить следующие тенденции.

---

¹³ Имеются ввиду контексты, где явно выражена аксиологическая оценка.

Чем современнее контексты, тем больше шансов встретить употребление соответственно конъюнктива в испанском и индикатива в итальянском языке. Если ещё в начале XX века такое употребление действительно было именно ненормативным, то сейчас, на наш взгляд, предпочтительней говорить о более или менее типичном наклонении для конкретной конструкции. При этом относительно, по крайней мере, письменного узуса совершенно не имеет смысла говорить не то что о «смерти наклонений», но даже о кризисе, «потере почвы» и т.д. Правомерно указывать лишь на рост нетипичного употребления наклонений в ряде типов контекстов, определённых ареалах (Латинская Америка), языковых сферах (СМИ), что доказывает и корпусная статистика.

Если указывать на формальные свойства примеров с нетипичным употреблением, то 90% контекстов-исключений это фразы с прямым порядком слов, без инверсий. Ненормативная форма глагола не уходит в конец, что, вероятно, подчёркивает все ещё выраженный спонтанность спонтанный характер подобного употребления, связь с разговорной речью.

Наиболее характерным типом дискурса, где можно спрогнозировать появление нетипичного употребления предсказуемо являются художественные тексты, максимально сближенные с разговорными. При порождении художественного/разговорного контекста говорящий очевидно обладает большей свободой, чем в других языковых сферах.

При всем различии реализации оппозиций типичного/нетипичного для эпистемических конструкций в обоих языках можно говорить о следующем: сознательная субъективации гипотезы говорящим может быть связана с употреблением конъюнктива, напротив, объективация, повышение ассертивной силы — с употреблением индикатива. Особенно сближение обоих языков в данной стратегии употребления наклонений очевидно в прессе: рассмотренные итальянские контексты имеют много общего с эпистемическими конструкциями, образованными испанскими предикатами надежды и опасения *esperar, temer*, для которых также более типично употребление с конъюнктивом (см. [Ануфриев 2009]).

Среди прочего на выбор наклонения влияют такие прагматические факторы как происхождение гипотезы, степень её верифицируемости, а также наличие и уровень близости собеседника и говорящего, равно как и перлокутивные цели последнего.

Ряд употреблений нетипичного наклонения с трудом поддаётся мотивировке, и, скорее всего, в таких случаях наблюдается нейтрализация оппозиции индикатива и конъюнктива, в принципе характерная для современного состояния романских языков и для оценочных пропозициональных конструкций в частности.

Изначально близкие по смыслу конструкции в контексте в той или иной степени варьируют свою семантику в зависимости от многих не только прагматических, но и грамматических факторов. С этим во многом связана проблема перевода вышеописанных безличных конструкций на русский язык.

В целом дальнейшее изучения функционирования пропозициональных конструкций, в том числе в сопоставительном аспекте, должно способствовать, с одной стороны, более полному описанию семантических свойств оценочных предикатов, с другой стороны, поможет своевременно фиксировать современные грамматические тенденции, связанные с их употреблением в романских языках.

Список источников и сокращений

CORIS — Corpus di Riferimento dell'Italiano Scritto
https://corpora.ficlit.unibo.it/coris_ita.html

CODIS — Corpus Dinamico dell'Italiano Scritto
https://corpora.ficlit.unibo.it/coris_ita.html

CORDE — Corpus Diacrónico del Español <http://corpus.rae.es/cordenet.html>

CREA — Corpus de Referencia del Español Actual <http://corpus.rae.es/creanet.html>

DiaCORIS — Corpus Diacronico di Riferimento dell'Italiano Scritto
<https://corpora.ficlit.unibo.it/DiaCORIS/>

Литература

Алисова Т.Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. М., Изд-во Московского университета, 1971.

Ануфриев А.А. Предикаты рациональной и эмоциональной оценки в испанском языке // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. М., Изд-во Московского университета, 2009. № 5. С.173—183.

Ануфриев А.А. Об одном типе конструкций с испанскими глаголами эпистемической оценки // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Периодический сборник научных статей. Электронное научное издание. М.: ИЯз РАН, 2013. Вып. 5. С. 13—22 // https://iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2013_05/2.pdf

Ануфриев А.А. Эпистемическая конструкция *parece que* в латиноамериканских вариантах испанского языка.// Германские и романские языки в современной Высшей школе России. Эйдос, Калуга, 2021. С. 148—159.

Грамматика и семантика романских языков. М., Наука, 1978.

Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006.

Плунгян В.А. Общая морфология. М.: УРСС, 2003.

Alteri Biagi M.L. La grammatica dal testo. Milano.:Mursia, 1987.

Ángeles Sastre M. El subjuntivo en español. Salamanca, 1997.

Bronzi A.M. 1977, Indicativo e congiuntivo nelle complete italiane // Studi di Grammatica Italiana. Vol. VI. Firenze, Accademia della Crusca, 1977. P. 425—450.

Dardano M., Trifone P. Grammatica Italiana con nozioni di linguistica. Bologna, Zanichelli, 1995.

Esbozo de una nueva gramática de la lengua española. Санкт-Петербург, 1997.

Gramática descriptiva de la lengua española. Madrid, Gredos, 2000.

Stewart D. Il congiuntivo italiano: modo della realtà? Uno sguardo al congiuntivo nelle grammatiche italiane moderne//Intorno al congiuntivo. A cura di Leo Schena, Michele Prandi, Marco Mazzoleni, Bologna, CLUEB, 2002.P.105—122.

Leone A. Conversazioni sulla lingua italiana. Presentazione di Giovanni Nencioni, Firenze, Olschki, 2002.

Lombardi Vallauri E. Vitalità del congiuntivo nell'italiano parlato. 2003. https://www.researchgate.net/publication/323126544_Vitalita_del_congiuntivo_nell_italiano_parlato

Marzullo M. Uso del congiuntivo. 2003. <https://accademiadellacrusca.it/it/consulenza/uso-del-congiuntivo/104>

Matte Bon F. Gramática comunicativa del español. De la idea a la lengua. Madrid, 2001.

Matte Bon F. Gramática comunicativa del español. De la lengua a la idea. Madrid, 2002.

Nueva gramática de la lengua española. Madrid, Gredos, 2010.

Porto Dapena J.A. Del indicativo al subjuntivo. Madrid, Gredos, 1991.

Rohlf G. Grammatica storica della lingua italiana e dei suoi dialetti. III. Sintassi. Torino, G. Einaudi, 1969.

Serianni L. Grammatica italiana. Italiano comune e lingua letteraria. Torino, UTET, 1989.

Schneider S. Il congiuntivo tra modalità e subordinazione. Roma, Carocci, 1999.

Mood variation in impersonal epistemic constructions with propositional attitude in Spanish and Italian.

**A.A. Anufriev (Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences)**

The article examines the peculiarities of usage of the impersonal epistemic construction *parece que* 'it seems that' of Spanish and similar constructions *pare che* and *sembra che* of Italian. Special attention is focused on the variability of the verb mood in the dependent part of the construction.

Keywords: Spanish, Italian, inner state verbs, epistemic evaluation, propositional attitude, verb mood, indicative, subjunctive.

Материалы к Словарю терминов литературной ономастики

Н.В. Васильева (Институт языкознания РАН)

Аннотация

Представлены словарные статьи и комментарии из разрабатываемого Словаря терминов литературной ономастики. Данный словарь построен по кластерному типу и включает на данном этапе шесть тематических полей, внутри которых термины описываются с использованием элементов тезауруса, т.е. с эксплицитно представленными семантическими отношениями. Такой способ описания позволяет выявлять связанные с каждым термином понятия и тем самым структурировать довольно размытое в своих границах терминологическое поле литературной ономастики — дисциплины, которая испытывает влияние множества филологических школ и направлений.

Ключевые слова

Литературная ономастика, терминология, терминологическое поле, словарь терминов

Данная публикация продолжает тему терминологического описания литературной ономастики (далее — ЛО) [Васильева 2020]. Терминологическое поле этой дисциплины не является гомогенным, поскольку формируется терминами из разных сфер филологии и шире — гуманитарного знания. Такой характерный признак ЛО, отражающий не только метаязык, но и когнитивные основания этой дисциплины, определяется нами как **мультифилологизм**. Поэтому простое алфавитное перечисление терминов с дефинициями не может, на наш взгляд, отразить своеобразия этой области филологического знания, вклад в которую внесли и продолжают вносить лингвисты и литературоведы разных направлений, пишущие о собственных именах (далее — СИ) в

фигуральных текстах и порой даже не подозревающие о существовании такой дисциплины как литературная ономастика.

Чтобы максимально учесть разнообразие метаязыкового материала и в то же время этот материал структурировать, нами был предложен двухэтапный подход к терминографическому представлению ЛО. Первый этап состоял в выделении тематических групп терминов — терминологических кластеров. Подобием, которое предполагается понятием кластеризации, может быть отнесенность терминов к одной тематической (под)области, сформулированной как признак. По такому принципу в настоящее время выделено шесть терминологических кластеров (подробнее см. [Васильева 2020, 49—50]).

1. **Терминолект.** Термины, характеризующие терминологический идиоматический лексикон одного автора, одного направления или определенной ономастической школы.

2. **Облик имени.** Термины, характеризующие различные типы («облики») имен в фикциональном тексте (*антропонимическая маска, антономасия, говорящее имя, гетероним* и др.).

3. **Микротекстология имени.** Термины, описывающие ближнее контекстное окружение СИ (*проприальные сигналы, апеллятивный конвой* и др.).

4. **Макротекстология имени.** Термины, относящиеся к функционированию имени в целом тексте (*функции СИ в тексте, интродукция имени* и др.).

5. **Ономастические процессы.** Термины, обозначающие ономастические, а также обратные им деономастические процессы и их результаты в фикциональном тексте (*онимизация, апеллятивация, апеллятивно-проприальный маятник, безымянность, травестия имен* и др.).

6. **Ономастическая нарратология.** Термины из теории нарратива, позволяющие включить рассмотрение СИ в тексте в общую нарратологию (*диэгезис, экзегезис, перспективизация, персонажный текст* и др.).

Вторым этапом терминографического описания является словарное представление терминов внутри выделенных тематических групп. В данной статье приводятся примеры описания терминов из различных тематических групп, выполненные с различной степенью детализации. Общий принцип их описания состоит в применении тезаурусного подхода, разработанного С.Е. Никитиной и использованного для создания Экспериментального системного словаря стилистических терминов [Никитина, Васильева 1996]. Подробное описание семантических отношений/тезаурусных функций см. [Никитина 1996, 13—29]; кратко они перечислены в [Васильева 2020, 50—52]. Таким образом, в обсуждаемом словаре словарная статья каждого термина внутри тематической группы имеет три макрозоны: 1. Заголовочный термин, англ. эквивалент, дефиниция, примеры (факультативно); 2. Термины, связанные семантическими отношениями с заголовочным термином (тезаурусная часть); 3. Комментарий в свободной форме.

Для каждого термина количество семантических партнеров, т.е. связанных с ним других терминов, будет различным. Это свойство можно условно назвать **семантической мощностью термина**. О прямой зависимости этого свойства термина от его центрального положения в терминосистеме (т. н. базовые термины) говорить сложно, поскольку количество выявляемых семантических отношений resp. терминов зависит в том числе и от текстов-источников, в которых достаточно периферийный термин может получить детальное описание, содержащее много связанных номинаций.

Далее будут представлены словарные статьи следующих терминов: *антропонимическая маска, безымянность, анонимность, антономасия*.

АНТРОПОНИМИЧЕСКАЯ МАСКА (англ. anthroponymic mask). Антропоним, служащий средством для сокрытия (маскировки) облика или сути носителя имени.

Синоним: имя—маска

Род: языковая маска; стилистический прием; «говорящее» имя

Вид: антропонимическая маска персонажа; литературная маска писателя
(псевдоним)

Вид=Инструмент: ономастическое травестиrowание; нарушение антропонимического кода

Целое: антропонимикон текста

Пространство реализации: нарративное пространство текста; художественная коммуникация

Параметр=Инструмент: алогизм, антитеза, ирония; амбивалентность; метафора, метонимия, аллюзия, гипербола, литота, каламбур, эвфемизм, оксюморон, иностранное слово...

Носитель: персонаж; писатель

Операция: имянаречение; самонаречение

Основная функция: экспрессивная; аксиологическая

Импликация (=условие): семантическая транспарентность; антропонимический стереотип

Функция=Импликация (=следствие): эффект обманутого ожидания; гротеск, пародирование; интертекстуальность

Сфера А (где встречается): фикциональный текст; литературный процесс

Сфера В (где изучается): литературная ономастика, стилистика, поэтика, теория нарратива

Комментарий к термину *антропонимическая маска*

Некоторые термины литературной ономастики имеют автора. В данном случае сказать сложно, кто и когда первым употребил выражение *антропонимическая маска*. Это образная номинация, и образ достаточно прозрачен для параллельного возникновения в умах разных людей и на разных языках. Поэтому для терминологического описания мы ориентировались на работы тех ученых, которые его описали именно как термин: это Александр Борисович Пеньковский в книге «Нина. Культурный миф золотого века русской

литературы в лингвистическом освещении» [Пеньковский 2003] и польские исследовательницы Анна Форнальчик и Александра Бела-Волоньчей [Fornalczyk, Biela-Wołośńcej 2016]. Ценным для лексикографического описания выбранного термина является то, что эти исследователи, во-первых, пришли к термину *антропонимическая маска* независимо друг от друга и, во-вторых, применили его к различному литературному материалу [Васильева 2020а, 161-162].

Предлагаемая дефиниция термина *антропонимическая маска* является краткой, поскольку все связанные с заголовочным словом термины выявляются во второй макроне словарной статьи — в тезаурусном описании. Выделенный в качестве основного когнитивного признака признак «сокрытие/маскировка» позволяет вывести этот термин за пределы мира художественного текста, а именно: применить его не только для персонажей, но и для создателей текстов, пишущих под псевдонимами (см. функцию **Вид, Носитель, Операция**). В качестве родовых терминов предлагается три гиперонима, раскрывающие три стороны антропонимической маски: с точки зрения языка — это *языковая маска*, с точки зрения стиля — *стилистический прием*, с точки зрения литературной ономастики — разновидность *«говорящего» имени* (условно: «говорящее» имя наоборот). В качестве вида антропонимической маски и одновременно инструмента превращения имени в маску может быть *ономастическое травестирование* (термин Н.И. Зубова), т.е. гендерное «переодевание» имен с экспрессивной целью [Зубов 1990], ср. хрестоматийного крестьянина *Елизавету Воробей* в «Мертвых душах» Гоголя. Современная литература предоставляет примеры более запутанных отношений мужского/женского в номинации персонажей и, соответственно, в рецепции образов читателем. Таково имя *Малина* в одноименном романе австрийской писательницы Ингеборг Бахманн, достаточно странное даже для австрийского антропонимикона, привычного к славянским элементам. Интерпретацию этого имени можно найти и у литературоведов [Соколова 1999], и у литературных ономастов [Kohlheim 2019, 48—49]. На приеме *нарушения антропонимического кода* построена повесть Владимира Кунина

«Иванов и Рабинович, или Ай гоу ту Хайфа» [Кунин 2012], в которой два героя, русский и еврей, женятся каждый на сестре другого и берут их фамилии. В результате получаются два перепутанных по антропонимическому коду персонажа – *Василий Петрович Рабинович* и *Арон Моисеевич Иванов*. Сдвоенная тезаурусная функция **Параметр=Инструмент** описывает конкретные способы и приемы превращение имени в антропонимическую маску. Приемы различны – от иронии, прочитываемой при глубоком погружении в мир текста, до оксюморона и иностранного слова. Приемы могут комбинироваться, усиливая экспрессивность. Например, в имени *Golubtschik*, которое носит протагонист романа Йозефа Рота «Исповедь убийцы» («Beichte eines Mörders») [Roth 1980]. Ф. Кольхайм обращает внимание на то, что, наделяя персонажа именем, обладающим подобной двусмысленностью (*Ambiguität*), автор превращает его в *spiritus movens* сюжета [Kohlheim 2019, 51]. Очень важной является тезаурусная функция **Импликация**, выступающая для данного термина в двух видах: как условие (имплицитное) и как следствие (имплицитное). Условием для того, чтобы имя «прочитывалось» как маска, является, с одной стороны, его семантическая прозрачность (транспарентность), с другой стороны, знакомый антропонимический код, нарушение которого выводит восприятие из автоматизма, т.е. в сознании читателя должен присутствовать определенный *антропонимический стереотип*, потому что имя становится именем-маской при нарушении этого стереотипа. Следствием употребления антропонимической маски как антистереотипа является эффект обманутого ожидания, а также осознание явления как пародии, гротеска. С помощью такого имени возможно установить интертекстуальные связи, также и в гротескном варианте, ср., например, собака *Каренин* в «Невыносимой легкости бытия» Милана Кундеры [Кундера 2004].

БЕЗЫМЯННОСТЬ (англ. namelessness). Значимое отсутствие имени.

Вариант: «без'ыменность», «без'ымение», «без-имянность» (оказ.)

Коррелят: имя

Квазисиноним=Вид: анонимность

Род: стилистический прием; нарративная стратегия; способ номинации; смыслоорганизующая категория текста

Вид: безымянность 1 (= отсутствие имени); безымянность 2 (= незнание имени); безымянность 3 (= сокрытие имени)

Вид/Вариант: изначальная vs. последующая; временная (ситуативная) vs. постоянная; убывающая vs. нарастающая; полная vs. частичная

Вид/Метаморфоза: «минус-имя», «антиимя»; криптоним; анаграмма

Операция=Инструмент: умолчание; табуирование

Целое: антропонимикон текста; ономастическое пространство текста

Основная функция: экспрессивная; аксиологическая; магическая

Сфера А (где встречается): фикциональный текст; литературный процесс; мифологический текст; традиционная культура

Сфера В (где изучается): литературная ономастика, стилистика, поэтика; этнолингвистика; фольклористика

Прочее: хаос, космос; ономастическая магия, ритуальные функции имени; *nomina sunt odiosa*; по-наме-онимы; апосиопеза; «анонимастика», «меоная ономастика»

Комментарий к термину *безымянность*

При обсуждении понятия *безымянность* довольно сложно оставаться в рамках только художественного текста, поскольку за этим понятием стоит пласт знания, относящегося к мифу, ритуалу, традиционной культуре в целом, который в огромной степени влияет на фикциональные возможные миры. Сосредоточившись на этом понятии в рамках литературных текстов, мы вполне отдаем себе отчет, что портрет безымянности в сфере традиционной культуры потребует другого представления. Само слово *безымянность*, будучи включенным в инструментарий филологического описания, демонстрирует некоторую особенность, а именно: окказиональные модификации (функция **Вариант**). Нам встретились формы *без'ыменность* [Фужерон 2001] и

без'ымение (устное сообщение С.Е.Никитиной) [Васильева 2019, 69], а также форма с использованием орфографического знака дефиса внутри слова: *без-имянность* [Цивьян 2008, 275]. Приведенные примеры показывают стремление исследователей освободить слово от налета повседневности и подчеркнуть, с одной стороны, семантику привативности (*без-*), с другой стороны, сделать так, чтобы внутри термина, отрицающего имя, *имя* звучало бы более ярко. Это касается формы термина. Само понятие *безымянности* может выступать триггером терминотворчества, подталкивая исследователей на изобретение новых единиц описания (см. ниже *минус-имя*, *антиимя*). Достаточно очевидно, что коррелятом *безымянности* выступает *имя*. Рассматривать *безымянность* как *стилистический прием*, *нарративную стратегию*, *способ номинации* (т.н. номинация *ex nihilo*), *смыслоорганизующую категорию текста* [Лаазареску 2013] (функция **Род**) возможно только в связке «имя ↔ *безымянность*», и в этом смысле *безымянность* сродни морфологическому нулю. Поэтому в определение термина *безымянность* вынесено сочетание «значимое отсутствие имени». Функция **Вид** представлена далее в трех вариантах: **Вид**, **Вид/Вариант** и **Вид/Метаморфоза**. Это вызвано различными интерпретациями понятия *безымянность* у разных авторов, т.е. тем самым мультифилологизмом, о котором говорилось в начале статьи. Одним из возможных способов структурирования концептуального и терминологического поля *безымянности* является выделение ее различные видов («ликів *безымянности*») [Васильева 2019, 68]. В заполнении функции **Вид** участвуют три единицы: *безымянность* как неимение имени (*безымянность 1*, ср. *безымянная высота*), *безымянность* как незнание имени (*безымянность 2*, ср. *безымянные герои*) и *безымянность*=анонимность, т.е. сокрытие имени (*безымянность 3*, ср. *анонимный чат*). Причины сокрытия могут быть разные. *Безымянность* как результат табу следует, очевидно, отнести сюда. Особый интерес представляют переходы в тексте, которые возможны как от имени к *безымянности*, так и от *безымянности* к имени. Учитывая, что у *безымянности* три лика, мы получим шесть вариантов таких переходов, т.е. «*безымянность 1, 2, 3* → имя» и «имя → *безымянность 1,*

2, 3» [Васильева 2019]. С этих позиций наречение именем, например, является переходом «безымянность 1 → имя», а текстовая интродукция персонажа с названием его имени адресату – переходом «безымянность 2 → имя». Такое поле переходов разных видов безымянности в имя и наоборот было построено нами на текстах Милана Кундеры [Васильева 2001]. Он оказался настоящим «певцом безымянности», но именно такой, скрытой, которая пряталась в переходах от безымянности к имени или от имени к безымянности. В этом состояла сложная игра Кундеры с читателем, включающая обманы, узнавание, подстановки и проч.

Далее функция **Вид** получает дополнение/расширение, и это связано с авторским видением. **Виды/Варианты** безымянности перечисляются в интерпретации Н.И. Бондаря, которые трактует вопрос об Имени и Безымянности (именно так, с заглавной буквы) в рамках гносеологии и культуры и говорит о проявлениях/вариантах безымянности [Бондарь 2001]. **Вид/Метаморфоза** представлен терминами В.В. Эйдиновой *антиимья* и *минус-имья*, созданными ею для описания ономастического мира Л. Добычина. Это имена, которые не индивидуализируют носителя, а наоборот, ставят его в ряд и тем самым обезличивают, подчеркивают стертость, безымянность повествуемого мира; это «лично-пустое, полое, “никакое” имя, превратившееся в “минус-имья”, в “антиимья” [Эйдинова 2001, 251]. Использование в текстах *криптонима* (тайное имя), а также *анаграммирование* имени также может быть отнесено к метаморфозам безымянности в ее ипостаси ‘сокрытие имени’, ср. [Кравченко 2013]. С помощью функции **Целое безымянность** связывается с *антропонимиконом текста* (если безымянны персонажи) или с более широким *ономастическим пространством*, если неназванными являются топонимы или другие разряды СИ. К **Функциям** безымянности относятся следующие. *Экспрессивная* функция объединяет безымянность с другими стилистическими приемами, направленными на деавтоматизацию восприятия. *Констеллятивная* функция связывает в мире текста пары/ансамбли безымянных персонажей с именованными (ср. безымянность барыни в тургеневской «Муму»). *Аксиологическая* функция характеризует безымянность

как «прием расстановок сил и выражения авторского отношения к персонажам» [Фужерон 2001, 153], как это было продемонстрировано исследовательницей на примере рассказов В. Гроссмана. *Магическая* функция безымянности в мире ХТ наследует миру ритуала и мифа. Список тезаурусных функций завершает функция **Прочее**, которая является факультативной. Ее заполняют термины, так или иначе связанные с термином—заглавным словом, в том случае если эти отношения затруднительно определить [Никитина 1996, 27]. Это своего рода «запасной аэродром» для терминов и нестрогих терминологических сочетаний, особенно, на наш взгляд, нужный для словаря в состоянии разработки. В **Прочее** мы включили *хаос* и *космос* как гносеологические метафоры; сочетания *ономастическая магия* и *ритуальные функции имени*, отсылающие к инструментарию традиционной культуры; выражение *nomina sunt odiosa*, использованное М.В. Безродным в качестве названия приема художественного имяупотребления, точнее, «имя-неупотребления» [Безродный 1994]. Термином *no-nome-онимы* можно назвать такие собственные имена, внутренняя форма которых связана с безымянностью/анонимностью, ср. лат. *Nemo, Ignotus, Anonymus*, рус. *Безымянный* в различных типах онимов; венг. антропоним *Nevetlen* ('безымянный'), гидроним *Nevetlen-tó* ('безымянное озеро') [Farkas 2020, 61—62]. Термин *апосиопеза* обозначает риторическую фигуру умолчания, которая определяется как минус-фигура, и по этой характеристике может быть соположена с безымянностью как «минус-именем». Термин *анонимастика* (нем. *Anonymastik*) принадлежит немецкому литературоведу и культурологу Бернду Штиглеру; с помощью такого окказионального телескопического образования *Anonym+(Onom)astik* он обозначил область литературной ономастики, в которой могла бы исследоваться безымянность/анонимность [Stiegler 1994, 279]. Термин, однако, не вышел за пределы его книги. В качестве альтернативного варианта термину *анонимастика* я бы предложила термин *меональная ономастика*. Прилагательное *меональный*, образованное от философского термина *меон*, которым обозначается одна из разновидностей неоформленного бытия, бытие в потенции (< греч. μή ὄν), хорошо отражает

потенциальность безымянности как категории текста, ее возможность перетекания в имя и наоборот.

АНОНИМНОСТЬ (англ. anonymity). 1. Отсутствие имени. 2. Соккрытие имени.

Квазисиноним=Род: безымянность

Род: нарративная стратегия; игровая стратегия; поведенческая стратегия

Вид=Носитель: криптоним; аватар, ник; литературная маска писателя (псевдоним)

Операция: отказ от имянаречения; самонаречение

Инструмент: аллюзия; анаграммирование

Основная функция: экспрессивная; криптологическая; игровая (людическая)

Сфера А (где встречается): фикциональный текст; литературный процесс; различные речевые практики; интернет-коммуникация

Комментарий к термину *анонимность*

Понятие *анонимность* относится к семантическому полю безымянности, но рассматривается здесь в качестве отдельной — более короткой — словарной статьи. Значения во многом пересекаются, однако есть некоторые метаязыковые особенности. По упомянутому выше признаку семантической мощности термин *анонимность* более слабый, чем *безымянность*. Однако у него есть свои особенности. Если *безымянность* как категория художественного текста несет на себе груз ритуала и мифа, то *анонимность*, наоборот, дышит современностью: в настоящее время анонимность превратилась в актуальное понятие интернет-коммуникации [Bachmann et al. 2017] и в этом смысле имеет влияние на современный литературный процесс. Так, Е.В. Маринова пишет об обновлении литературной ономастики в современной фикциональной прозе и рассматривает произведения, в которых герои выведены не под именем, а «под ником»: «Онимотворчество писателей в этом случае уподобляется созданию всевозможных онимов, бытующих в сети» [Маринова 2021, 142].

Исследователи понятия анонимности в области медиакommunikации и социальной психологии подчеркивают многообразие анонимных форм социального взаимодействия, которые, тем не менее, можно описать сочетанием таких понятий, как неизвестность, скрытость и невозможность отслеживания (untrackability) [Bachmann et al. 2017]. Интересно обратиться к истокам и сравнить значения. Прил. ἀνώνυμος, заимствованное из древнегреческого во многие европейские языки, в языке-источнике обладало несколькими значениями, см. [Дворецкий 1958, 178]: 1) не имеющий названия, безымянный (*человек, земля*); 2) не имеющий cognomen (о римлянах), например, *Gaius Marius* в отличие от *Gaius Julius Caesar*, 3) анонимный в современном смысле (*донос*); 4) неизреченный, неименуемый из-за табу (*неименуемые богини* = богини раздора Эринии); 5) безвестный, бесславный (*старость, отечество, а также само имя*). Многозначность этого прилагательного в древнегреческом обусловлена многозначностью производящего слова ὄνομα (имя, название; громкое имя, т.е. слава; термин и др.).

Поскольку анонимность это и отсутствие имени, и сокрытие имени, то термин *безымянность* может рассматриваться как частичный синоним и как род (сдвоенная функция **Квазисиноним=Род**). В качестве чистого гиперонима выступают различные приемы/стратегии, связанные с текстом (*нарративные, игровые*) и выходящие за его пределы (*поведенческие стратегии*). Номинации, скрывающие настоящее имя (*криптоним, аватар, ник* и пр.), можно квалифицировать как виды анонимности и одновременно как ее носители (функция **Вид=Носитель**). Способами создания анонимности такого рода является прием *аллюзии*, а также *анаграммирования* (функция **Инструмент**).

Далее следует термин *автономасия*, который нуждается в некотором предваряющем словарную статью комментарии. Хотя термин известен давно и, как свидетельствуют в том числе и исследователи поэтики СИ, об этой риторической фигуре/тропе написано достаточно много, ср. [Калинкин 1999, 364—365], некоторые терминологические характеристики автономасии нуждаются в уточнении, поскольку от

этого зависит актуальное словарное представление. Этот термин античной риторики обладает прозрачной внутренней формой: древнегреческое слово ἀντονομασία (< префикс ἀντ(ι) в значении ‘замена, замещение’ + сущ. ὀνομασία ‘именование’) означает ‘заместительное именование’. Характерно, что в истории грамматики таким же термином обозначалось и местоимение, т.е. в буквальном значении ‘вместо имени’. Также в древнегреческом языке существовал коррелятивный глагол ἀντονομάζω 1) ‘переименовывать’, 2) (рит.) ‘пользоваться антономасиями 3) (грам.) ‘употреблять местоимения’ [Дворецкий 1958, 175]. Возвращаясь к риторическому термину, приведем одно из характерных его определений, в котором антономасия/антономазия трактуется как «род метонимии, риторическая фигура, состоящая в том, что ставится вместо собственного имени описательное выражение, напр(имер), “сын Афродиты” вместо Амур, “разрушитель Карфагена” вм(есто) Сципион, или же, напротив, собственное имя вместо нарицательного имени, напр(имер), “настоящий Цицерон” вм(есто) оратор» [ЭСБЕ 1890, 861]. Это определение имеет довольно непривычную структуру с дизъюнкцией, и с точки зрения современной терминографии логичнее было бы разделить его на две части и представить как два термина или как два значения термина. Действительно, исследователи античных и более поздних риторики обращали внимание на двойственность термина *антономасия*. Немецкий филолог Х. Лаусберг описывал две разновидности антономасии: 1) подлинную антономасию (*die eigentliche Antonomasie*), в которой синекдохический принцип *genus pro specie* отражается в виде *species pro individuo*, и 2) «фоссианскую антономасию» (*die Vossianische Antonomasie*), названную так по имени голландского ученого Фоссиуса (G. J. Vossius, 1577—1649), которому приписывается модификация античного термина. По аналогии с обратной синекдохой (*species pro genere*) этот вид антономасии строится по принципу *individuum pro specie* [Lausberg 1990, 72—73]. Иными словами, *антономасия 1* предлагает вместо имени человека его характерный признак/свойство (*создатель Ватикана* = Микеланджело), т.е. нарицательное имя вместо имени собственного; а в

случае *антономасии 2* именем замещается признак/свойство, т.е. вместо нарицательного имени употребляется имя собственное (*Эскулап* вместо *врач*).

Таким образом, в словаре этот термин представлен в двух значениях как *антономасия 1* и *антономасия 2*.

АНТОНОМАСИЯ 1 (*antonomasia*). Фигура речи. Замена собственного имени описательным выражением, содержащим указание на признак, имеющий отношение к носителю собственного имени.

Орлеанская дева (вм. Жанна д'Арк), *Вифлеемский мирный плотник* (вм. Иосиф) (О. Мандельштам), *создатель Ватикана* (вм. Микеланджело), *Железная леди* (вм. Маргарет Тэтчер)

Вариант: антономазия, антономаза

Синоним: ономастическая перифраза; прономинация (редк.)

Квазисиноним: перифраза

Коррелят: антономасия 2

Род: фигура речи; непрягая номинация; дескрипция

Импликация (=условие): устойчивая ассоциация, коннотация

Импликация (=следствие): вариативность номинации

Функция: экспрессивная, номинативная, аллюзивная; эвфемизация, табуирование

Операция: субституция (собственное имя → дескрипция)

Сфера А (где встречается): поэзия, язык СМИ; *passim*

Сфера В (где изучается): стилистика, риторика

Прочее: общие места; штампы

АНТОНОМАСИЯ 2 (*antonomasia*). Троп, состоящий в метафорическом/метонимическом применении собственного имени для обозначения объекта, наделенного свойствами первоначального носителя этого имени; собственное имя, употребляемое как имя нарицательное.

Ср. *Отелло* в.м. ревнивец; *он Моцарт среди поваров*; *водитель попался явно не Шумахер*.

Вариант: антономазия, антономаза

Синоним: «фоссианская антономасия»; прономинация (редк.)

Квазисиноним: деонимизация/апеллятивизация

Коррелят: антономасия 1

Род: непрямая номинация; троп; синекдоха

Параметр: устойчивая ассоциация; салиентный признак, ассоциированный с референтом

Носитель параметра: прецедентное имя; антономастическая единица, антономастическая лексема

Импликация (=условие): культурные символы, культурные модели

Импликация (=следствие): бисоциация

Инструмент: концептуальная метонимия и концептуальная метафора; метафтонимия; дефокусирование; символизация

Операция: субституция

Объект операции: нарицательное имя, описательное выражение

Функция: экспрессивная; оценочная; парольная; людическая; эвфемизация

Сфера А (где встречается): язык СМИ; *passim*

Сфера В (где изучается): когнитивная лингвистика; семантика; риторика, стилистика, лексикология

Общий комментарий к терминам *антономасия 1* и *антономасия 2*

Дефиниции первого и второго терминов представляют собой модифицированные определения из словаря [Никитина, Васильева 1996, 52-53]. Тезаурусная часть у этих терминов изменена и дополнена. Мы расположили термины в исторической последовательности: сначала «классическая» антономасия 1 (фигура), потом более поздняя «фоссианская» антономасия 2 (троп). Если в настоящее время в традиционной

стилистике/риторике как тропу, так и фигуре равно уделяется внимание (следует, однако, отметить, что не во всех работах их четко различают), то в когнитивных исследованиях под антономасией понимается только троп, т.е. *антономасия 2*, которая анализируется с привлечением аппарата когнитивной лингвистики (*метафтонимия, салиентность, дефокусирование, культурные символы и культурные модели* и др.), см. подробнее [Ирисханова 2014, 144—163]. Внесение этих терминов в тезаурусную часть словарной статьи *антономасия 2* заметно увеличивает семантическую мощь термина, выводя его за пределы традиционной стилистики. При наличии у терминов *антономасия 1* и *2* одинакового заполнения тезаурусных функций (**Вариант, Операция**, частично **Синоним** и **Род**), набор и заполнение остальных функций различен, что дает основание не смешивать эти термины в одном определении (ср. приведенное выше определение из ЭСБЭ).

В заключение хотелось бы отметить следующее. Литературную ономастику как филологическую дисциплину нельзя считать находящейся *in statu nascendi*. Однако до сих пор ее термины не всегда хорошо делятся на «свои» и «чужие», образуя терминологическое поле с нечеткими границами. Материал, использованный для предлагаемого словаря, т.е. научные тексты об имени собственном в художественном тексте, более встраивается в литературоведческий дискурс, чем в дискурс лингвистический. А литературоведческий дискурс, согласно И.В. Силантьеву, впервые поставившему вопрос о представлении знания языком литературоведения, определяется «коммуникативной стратегией поиска новых смыслов и новых знаков и теоретической стратегией преодоления собственной системности, которая в силу этого обстоятельства всегда остается только складывающейся, становящейся системностью» [Силантьев 2009, 167]. Таким образом, с одной стороны, литературной ономастике предопределено постоянно преодолевать свой научный язык. С другой стороны, тот способ терминографического описания, который предложен в разрабатываемом словаре в виде набора тематических полей и экспликации семантических отношений между терминами,

направлен именно на отслеживание и выстраивание системности, поскольку к приданию системности смыслам и знакам стремится любая дисциплина, осознающая себя таковой.

Список сокращений

ЛО — литературная ономастика

СИ — имя собственное

ХТ — художественный текст

ЭСБЕ — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона

Источники

Милан Кундера. Невыносимая легкость бытия. Роман / Пер. с чеш. Н. Шульгиной. СПб.: Азбука-классика, 2004.

Владимир Кунин. Иванов и Рабинович, или «Ай гоу ту Хайфа». М.: АСТ: Астрель, 2012.

Joseph Roth. Beichte eines Mörders erzählt in einer Nacht. Roman. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1980.

Литература

Бондарь Н.И. Имя и Безымянность в контексте оппозиции норма—антинорма // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст. Тезисы межд. науч. конф. Ч. 1. М.: Институт славяноведения РАН, 2001. С. 19—22.

Безродный М.В. Об одном приеме художественного имяупотребления: *nomina sunt odiosa* // Литературный текст: Проблемы и методы исследования. Тверь: ТГУ, 1994. С. 157—164.

Васильева Н.В. Имя и безымянность (по текстам Милана Кундеры) // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст. Тезисы межд. науч. конф. Ч. 2. М.: Институт славяноведения РАН, 2001. С. 157—160.

Васильева Н.В. Безымянность как категория ономастики // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: Материалы IV Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 9—13 сентября 2019 г. / Отв. ред. Е.Л. Березович. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2019. С. 68—70.

Васильева Н.В. О терминологических границах литературной ономастики // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Журнал научных публикаций. Электронное научное издание. М.: ИЯз РАН, 2020. № 2 (13). С. 44—55 // https://iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2020_13_2/3.pdf

Васильева Н.В. Термин «антропонимическая маска» в тезаурусном представлении // Ярославский текст в пространстве диалога культур: материалы 4-й Всероссийской научной конференции (Ярославль, 5-6 ноября 2020 г.) / Сост. и отв. ред.: О. Н. Скибинская, Т. К. Ховрина. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2020а. С. 161—165.

Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. Т. 1. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958.

Зубов Н.И. Ономастическое травестирование как стилистический прием: к вопросу о значимости имени собственного в художественной литературе // Шоста республіканська ономастична конференція 4—6 грудня 1990 року: Тези доповідей і повідомлень. Т. 1. Одеса: Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні, 1990. С.115—120.

Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014.

Калинкин В.М. Поэтика онима. Донецк: Юго-Восток, 1999.

Кравченко Э.А. Анаграммирование как прием поэтики сокрытия имени в художественном тексте // Вісник Донецького Національного університету. Сер. Б: Гуманітарні науки. Вип. 1—2. 2013. Том 1. С. 144—150.

Лазареску О.Г. «Что в имени тебе моем?...»: безымянность героев как смыслоорганизующая категория в русской литературе и фольклоре // Наука и школа. 2013. № 5. С. 74—77.

Маринова Е.В. Герой «под ником», или Обновление литературной ономастики в произведениях современных отечественных авторов // С любовью к слову. Сб. статей к 80-летнему юбилею проф. Людмилы Алексеевны Климковой / Отв. ред. О.В. Никифорова. Арзамас: Арзамасский филиал НГУ им. Н.И. Лобачевского, 2021. С. 139—142.

Никитина С.Е. Предисловие // Никитина С.Е., Васильева Н.В. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. М.: Институт языкознания РАН, 1996. С. 3—31.

Никитина С.Е., Васильева Н.В. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. М.: Институт языкознания РАН, 1996.

Пеньковский А.Б. Нина. Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении / 2-е изд., испр. и доп. М.: Индрик, 2003.

Силантьев И.В. О представлении знания языком литературоведения: к постановке вопроса // Критика и семиотика. Вып. 13, 2009. С. 164—169.

Соколова Е. Имя против любви // Иностранная литература. 1999. № 9. С. 238—241.

Цивьян Т.В. Наречение=обречение именем в повести Гоголя «Шинель» // Цивьян Т.В. Язык: тема и вариации. Избранное в 2 кн. / Кн. 2: Античность. Язык. Знак. Миф и фольклор. Поэтика. М.: Наука, 2008. С. 272—280.

Эйдинова В. В. Стилевая функция имени в прозе XX века (Л. Добычин. Рассказы рубежа 1920—1930-х гг.) // Известия Уральского ун-та. 2001. Т. 20. Гуманитарные науки. Вып. 4. С. 250—255.

Bachmann G., Knecht M., Wittel A. (Eds). The social productivity of anonymity // *Ephemera*. 2017. 17 (2).

Farkas T. Being named or being nameless: on the fundamental questions of proper name giving // *Studia Linguistica Hungarica*. 2020. 32. P. 54—65.

Fornalczyk A., Biela-Wołośńiej A. Good Names and Bad Names: The Axiological Aspect of Literary Proper Names — a Cognitive Approach // Cognitive Onomastics: A Reader / Ed. by S. Brendler. Hamburg: Baar, 2016. S. 193—202.

Kohlheim V. Der Name in der Literatur / Unter Mitarbeit von R. Kohlheim. Heidelberg: Winter, 2019.

Lausberg H. Elemente der literarischen Rhetorik. Ismaning: Hueber, 1990.

Stiegler B. Die Aufgabe des Namens. Untersuchungen zur Funktion der Eigennamen in der Literatur des zwanzigsten Jahrhunderts. München: Fink, 1994.

Materials for the Glossary of Literary Onomastic Terms

**N.V. Vasilyeva (Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences)**

The paper presents entries and commentaries for several terms for the Glossary of Literary Onomastics Terms that is currently under development. The Glossary is organized according to the terminological clusters and contains the terms grouped into six thematic fields. The terms are described using thesaurus approach, i.e. with explicitly represented semantic relation. This way of description makes it possible to collect all the concepts associated with a given term and thereby represent the terminological field of Literary Onomastics which is complex and rather fuzzy as far as influenced by a multitude of philological schools and trends.

Keywords: Literary Onomastics, terminology, terminological field, glossary of terms.

Многоязычие во Франции в прошлом и настоящем. Краткий очерк

О.А.Гулыга (Институт языкознания РАН)

Аннотация

Цель статьи — представить обобщающие сведения о составе и положении региональных языков и других местных форм речи на территории Франции в прошлом и настоящем. Намечены роль и статус данных форм речи в определённые периоды истории, отношение к ним правящих элит и законодательные инициативы, определившие языковую политику.

Ключевые слова

Региональные языки Франции, языковая политика во Франции, язык в Конституции Франции, лингвистическая дискриминация.

1. О понятии *региональный язык*

Неясности и вопросы, возникающие при практическом применении этого термина, привели к необходимости целого ряда комментариев и уточнений, см. [Pascaud 2017; Pascaud, Viaut 2017]. Термин *региональный язык* может теоретически применяться в любой стране с административным делением на регионы или другие территориальные или административные единицы, в которых говорят на идиомах, отличающихся от государственного языка этой страны.

В сфере употребления этого термина, исследователи отмечают недостаточную определённость, неточность, размытость границ его применения. Понятие *региональный язык* в разных государствах имеет свои особенности. Оно трактуется в зависимости от исторического контекста, специфики регионов, типа языковых сообществ и конкретной языковой ситуации. Трактовка этого термина имеет значение

для более ясного понимания языковой ситуации, языковой политики, государственного и местного законодательства, самосознания и идентичности носителей. Региональный язык — это географическое, политико-административное и социолингвистическое понятие.

Представление о региональном языке имеет различные коннотации в разных странах: в одних странах это нейтральное обозначение определённой формы речи, в других оно может содержать негативную оценку, в каких-то странах практически не употребляется. Региональный язык представляет собой язык/идиом/форму речи, которые имеют документированную историю, соотнесённую с определённой территорией. Отдельно взятый региональный язык может быть распространён на территории одного государства или применяться по обе стороны государственных границ. В масштабе государства региональный язык — это язык языкового меньшинства, хотя он может не быть таковым в регионе или ареале своего распространения.

Региональные языки Франции в европейских границах обладают определённой спецификой. Территория их распространения необязательно является континуумом ни с лингвистической, ни с административной точки зрения. Также эта территория может располагаться по обе стороны государственной границы. Зона распространения регионального языка может меняться, что обусловлено образом жизни или историей носителей, например, если речь идёт об эмиграции/иммиграции моноязычных групп. Число носителей региональных языков бывает непостоянным, сокращается или растёт, его бывает трудно определить даже приблизительно. Само понятие «носитель» по отношению к региональному языку может быть неоднозначным. Степень обработанности регионального языка может варьировать. Одни языки обладают стандартом, надстроенным над диалектическими вариантами, в других представлены только определённые элементы стандартизации, например, нормы орфографии, есть языки, где стандарт практически отсутствует. Существуют

региональные языки, относящиеся к категории *Ausbausprachen*, т.е. языки, чей стандарт находится в стадии разработки.

В ряде стран региональный язык может быть вторым государственным языком в масштабе всего государства, на территории определённой административной единицы государства, быть основным государственным в одной стране и вторым государственным разного уровня в другой, а также не иметь никакого официального статуса. Региональные языки могут получать признание и поддержку разной степени, факультативно преподаваться в учебных заведениях в качестве учебного предмета или быть языком, на котором ведётся преподавание.

Законодательства некоторых стран включают региональные языки в нематериальное языковое наследие на уровне страны, региона, области или сообщества, что необязательно означает наличие мер по их сохранению и развитию. Преподавание в школах на региональном языке статусом ниже второго официального чаще всего отсутствует, такой язык как предмет изучения представлен факультативно и изучается только в начальной школе. В каких-то случаях, например, в случае аранского языка в Валь д'Аране, Каталония, где признаются три официальных языка — испанский, каталанский и аранский — это язык, на котором в части школ ведётся преподавание в течение всего обучения.

2. Региональные языки Франции

В этом разделе мы подробнее остановимся на своеобразии понятия *региональный язык* во Франции, на представлении о составе региональных языков и на их отражении в законодательстве Франции.

Термин *региональный язык* начал применяться во Франции во второй половине XX в. для обозначения языков страны, отличных от французского. Первоначально его использовали общественные организации, позже учреждения образования, см. выписки из BOEN — Bulletin Officiel de l'Education Nationale 'Официальный бюллетень министерства государственного образования' в [Textes]. Например,

Circulaire 66-361 du 24 octobre 1966. BOEN n° 41 3 novembre 1966. Cette circulaire prévoit la « création de commissions académiques d'études régionales (qui) étudieront les divers problèmes théoriques et pratiques que pose l'enseignement des langues régionales [https://webetab.ac-bordeaux.fr/primaire/64/oloron/themes/file/occitan/Textes_relatifs_a_lenseignement_des_langues_regionales.pdf] 'Постановление от ... 1966 г. о создании школьных региональных комиссий по теории и практике преподавания региональных языков', а также Circulaire 69-90 du 17 février 1969. BOEN n° 9, 27 février 1969, [Там же] 'Постановление от ... 1969 г. о преподавании региональных языков и культур в начальной школе' (перевод цитат здесь и далее мой — О.Г).

Франция, будучи исторически самой многоязычной страной Западной Европы, в результате проводимой в течение двух веков политики доминирования одного языка — французского — существенно сократила сферу употребления региональных языков. В соответствии с Конституцией языком Французской республики является французский язык, поэтому Франция ожидаемо не входит в число стран с официально признанным многоязычием, наличием более одного государственного или второго официального языка. По данным конца XX — начала XXI вв. на европейской территории Франции имеют хождение больше 20-ти местных языков и идиомов [Noubel, Dewick 2021, 7]. Специальный отдел Министерства культуры и коммуникаций под названием DGLFLF (Délégation générale pour la langue française et les langues de France, Управление по делам французского языка и языков Франции) приводит цифру в 75 языков по всей стране, включая заморские территории, где насчитывается около 50 языков, в том числе креольских на основе французского. Хотя в XIX веке число говорящих исчислялось миллионами, в настоящее время на всех языках Франции вместе взятых говорит около 2 млн человек, что составляет 3% населения Франции (равно примерно 66 млн человек), см. [Noubel, Dewick 2021].

Рассмотрим наиболее значимые законодательные инициативы, связанные с языком и языками, в истории Франции.

3. XIV в. Ордонанс Виллер-Котре

В 1539 г. король Франции Франциск I издаёт ордонанс, или эдикт, Виллер-Котре, названный так по топониму Виллер-Котре — месту, где в то время располагались королевские угодья и королевский замок. В замке Виллер-Котре и был составлен и подписан ордонанс. В настоящее время Виллер-Котре — это коммуна в департаменте Эн. Документ считается самым ранним законодательным актом Франции, действующим и в настоящее время. Он содержит 192 статьи, из которых две статьи, 110 и 111, относятся к языку, см. [Ordonnance 1539]:

Статья 110. Que les arretz soient clers et entendibles
Et afin qu'il n'y ayt cause de doubter sur l'intelligence desdictz arretz. Nous voulons et ordonnons qu'ilz soient faictz et escriptz si clerement qu'il n'y ayt ne puisse avoir aulcune ambiguite ou incertitude, ne lieu a en demander interpretacion. 'Акты должны быть ясными и понятными. Чтобы не было причин сомневаться в смысле упомянутых актов, мы изъявляем желание и приказываем, чтобы они были произведены и записаны так чётко, чтобы не могло быть никакой двусмысленности или неясности, ни повода просить о их разъяснении'.

Статья 111. De prononcer et expedier tous actes en langaige françoys

Et pource que telles choses sont souventes fois advenues sur l'intelligence des motz latins contenus esdictz arrestz, nous voulons que doresnavant tous arrestz ensemble toutes autres procedures soient de noz courz souveraines ou aultres subalternes & inferieures, soient de registres, enquestes, contractz, commissions, sentences, testamens et aultres quelzconques actes & exploictz de justice, ou qui en dependent, soient prononcez, enregistrez & delivrez aux parties en langage maternel françois et non autrement 'Объявлять и составлять все акты должно на французском языке. Поскольку подобное (то, о чём говорилось в статье 110 — О.Г.) происходит очень часто, по причине (плохого) понимания латинских слов, используемых в упомянутых актах, мы изъявляем желание, чтобы отныне все акты, а также все другие процедуры, будь то при нашем высочайшем дворе или при других дворах, низших и подчинённых, все регистры, анкеты, контракты, комиссии, приговоры, завещания и все

другие акты и действия закона, были объявляемы, составляемы и доводимы до сведения участников на родном французском языке и никак иначе’.

Целью приведённых выше статей ордонанса было юридическое оформление отказа от латыни как официального языка деловых документов. Как отмечают историки, практически отказываться от латыни в пользу и французского, и других языков и диалектов начали задолго до ордонанса Виллер-Котре, как впрочем, и латынь продолжала сохранять свои позиции после 1539 года, когда был издан ордонанс. Известны также ордонансы предшественников Франциска I. Карл VIII приказывал суду и следствию записывать показания свидетелей «на французском или родном языке», Людовик XII — на «народном или местном наречии», сам Франциск I за четыре года до ордонанса Виллер-Котре распорядился, чтобы судебные разбирательства и иски оформлялись «на французском или хотя бы на народном местном языке», см. [Ordonnance 1539], [Martel, 2020]. Последняя фраза статьи 111 «на родном французском языке» не имеет однозначного толкования. Она понимается не как требование сразу ввести в официальную сферу исключительно французский, что было бы невозможно, а как формулировку, закрепляющую уже имевшуюся практику применения местных языков вместо латыни. Французский выделен здесь как исключительный, поскольку был языком элит, т.е. королевского двора и администрации, дворянства, духовенства. Большинство населения Франции владело языками, называемыми в королевских эдиктах *vulgaire* ‘народный’, *language/vulgaire du pays* ‘местный язык’, *language maternel* ‘родной язык’.

Франциск I, постоянно воевавший на разных рубежах королевства, хорошо представлял себе существовавшую языковую раздробленность. Для чисто политической цели — оформить право и законы на понятном подданным языке — характер, ареал распространения и другие параметры местных языков были несущественны, достаточно было гиперонима *местный, родной, народный язык*. Местные языки в ордонансах никак не были дифференцированы и фигурировали как множество форм речи, связанных со своими географическими ареалами или естественными носителями. Также можно понять,

что ордонанс не направлен против местных идиомов, он служит практической цели минимизировать непонимание официальных документов. К тому же он относится по форме только к официальному письменному языку.

Французский язык постепенно становится престижным среди привилегированных слоёв населения, вытесняя латынь и превращаясь в язык философии, медицины, литературы, церковного суда и даже богословия. В 1543 г. при дворе открывается типография, где по королевскому приказу языком печатных текстов становится французский. Однако франкофония остаётся принадлежностью социальных верхов. Их представители в провинциях не испытывают потребности владеть местными языками. Распоряжения центра, доставляемые посыльными, читаются населению на площади человеком, владеющим двумя языками — французским и местным.

Народные массы, в большинстве неграмотные или малограмотные, не имеют ни стимула, ни возможности учить французский. Профессии, для которых мог понадобиться этот язык, для них в любом случае остаются недоступными. В школах часто всё идёт по старому, преподаётся латынь, т.к. преподавание французского означало бы дополнительные расходы. На местных языках проводятся церковные службы, создаётся провинциальная литература. Расин, живший в Юзесе на юге Франции в 1662 — 1664 гг., сообщает, что не понимает местного языка. Положение немного меняется с XVII и особенно XVIII века, когда начинают умножаться коммерческие связи, строятся дороги, растёт мобильность рабочих и ремесленников, вербуются служащие в администрации растущих колоний. Все эти перемены приводят к тому, что уже большему количеству подданных для жизнеобеспечения требуется владение языком государства, пусть даже положение меняется, прежде всего в городах. В сельской местности по-прежнему население не спешит менять идентичность, отказываясь от воспринятого от предков родного языка.

Ордонанс Виллер-Котре стал заметной законодательной мерой на пути очень постепенного вытеснения языкового разнообразия, приведшего к последующему

доминированию французского языка. Однако для реального замещения местных форм речи потребовались более жёсткие и радикальные меры на местах, которые начали применяться со времени Французской революции.

4. Конец XVIII — XIX вв. Языковая политика в эпоху Французской революции

В эпоху Французской революции политика новой власти в отношении местных языков полностью диктовалась революционной повесткой. Задачи языковой политики сформулировал получивший известность сторонник революции аббат Анри Грегуар. В 1792 г. становится первоочередной задачей получить представление о населении, которым предстоит управлять, что было бы невозможно без сведений о языке и языках страны. Грегуар руководствуется политическими соображениями, т.е. вопросами о завоевании власти на местах, о средствах распространения революционных идей, о возможности контролировать народные массы. Очевидно, что эти цели были бы недостижимы, если бы население не понимало язык представителей новой власти. И наоборот, править подданными, говорящими на множестве различных местных форм речи, для новой власти было практически невозможно. Сам аббат был французом, родился и вырос в провинции Trois-Évêchés (Труаз-Эвеше, букв. 'Три Епископства'), получил образование в соседней Лотарингии на северо-востоке Франции (территории современного региона Гранд-Эст). Здесь исторически распространены были несколько местных идиомов, поэтому аббат Грегуар имел представление о языковом разнообразии.

На волне первоначального энтузиазма была попытка переводить декреты революции на местные языки, которые даже перечислялись — ими были немецкий, каталанский, итальянский и бретонский, что далеко не исчерпывало всё разнообразие существовавших идиомов. Декреты полагалось вывешивать на видном месте в населённых пунктах, устно зачитывать после церковной службы. Однако этот проект потребовал привлечения большого количества переводчиков, что оказалось слишком дорогим, и от него пришлось довольно быстро отказаться.

Для решения проблемы аббат Грегуар составил анкету (questionnaire) из 43 вопросов, касающихся патуа — местных языков, а также (взглядов и обычаев) местных жителей, см. [Морозова 1991, 195]. Опрос проводился практически по всей Франции, см. карту населённых пунктов, где проживали корреспонденты Грегуара (их было сорок с небольшим) и областей, по которым были получены результаты (их было около тридцати), в [Questionnaire Grégoire]. Корреспондентами, присылавшими Грегуару ответы на вопросы анкеты, были местные образованные люди — чиновники, юристы, врачи, священники, учителя. Опрос Грегуара считается первым крупным социологическим исследованием, см. [Perrot 1997, 164]. В анкете Грегуара ко всем местным идиомам применяется название *патуа*¹, они никак не индивидуализированы, различия между местными языками, диалектами и говорами в той ситуации не имели решающего значения. Важен был сам факт их существования.

Действительно, аббату Грегуару нужно было выяснить примерное соотношение франкофонов и аллофонов в стране, а также примерное количество отличающихся друг от друга патуа. В своём выступлении в Национальной ассамблее в июне 1794 г. он подвёл итог [Rapport Grégoire 1]: «On peut assurer sans exagération qu'au moins six millions de Français, surtout dans les campagnes, ignorent la langue nationale ; qu'un nombre égal est à peu près incapable de soutenir une conversation suivie ; qu'en dernier résultat, le nombre de ceux qui la parlent n'excède pas trois millions, et probablement le nombre de ceux qui l'écrivent correctement encore moindre. Ainsi, avec trente patois différents, nous sommes encore, pour le langage, à la tour de Babel, tandis que, pour la liberté, nous formons l'avant-garde des nations». «Можно без преувеличения утверждать, что по меньшей мере шесть миллионов французов, особенно в сельской местности, не знают национального языка, такое же число жителей

---

¹ Патуа — фр. *patois* ‘местный говор’, в совр. языке ‘просторечие, жаргон, неграмотная речь’. Согласно словарю [[Trésor de la Langue Française informatisé] происходит от глагола *patoiser* ‘жестикулировать при разговоре’, что позже приобрело значение ‘грубо себя вести’ и далее ‘не владеть стандартным языком’, ‘говорить на местном провинциальном идиоме’. Глагол *patoiser*, в свою очередь, исторически произведен от существительного *patte* ‘лапа животного’, имеющего также множество переносных значений. *Patte* исходно звукоподражательное, по звуку, производимому при столкновении некрупных предметов, см. там же.

едва способны связно на нём говорить. Конечный результат показал, что число настоящих франкоговорящих не превышает трёх миллионов, а среди них грамотных ещё меньше (население Франции в то время составляло около 26 млн. человек — О.Г.). И вот, при наличии тридцати разных патуа мы в отношении языка остаёмся на уровне Вавилонской башни, тогда как в отношении свободы мы идём в авангарде всех наций’

В том же 1794 г. Грегуар представил Конвенту доклад «О необходимости и способах уничтожить патуа и сделать всеобщим языком французский», см. [Rapport Grégoire 2]. Грегуар говорил с возмущением, что, хотя провинций уже нет (вместо провинций в 1790 г. революционная власть ввела деление на департаменты), но в наименованиях тридцати патуа по-прежнему сохраняются названия этих провинций, из-за них в стране живёт тридцать народов вместо одного. «Единой и неделимой республике — единый и неделимый французский язык, язык свободы», примерно таков был лозунг борцов с патуа, заклеивших их как языки контрреволюции, федерализма, эмиграции, суеверия, предрассудков, невежества и ненависти к Республике, см. [Dominique, Certeau, Revel 1975, 4].

Грегуар поместил в докладе список из двадцати семи патуа, см. [Dominique, Certeau, Revel 1975] Итальянский язык Корсики и Приморских Альп, а также немецкий в Эльзасе он оценил как результат деградации родственных им литературных языков — итальянского Италии и литературного немецкого. Он также добавил язык «негров наших колоний», т.е. креольские языки. Грегуар никак не классифицирует упоминаемые им идиомы по генетической принадлежности, не объединяет их в группы и не говорит о различительных признаках. Его список перечисляет местные языки по часовой стрелке, называя их, главным образом, по топонимам — названиям ареала распространения. Список начинается с бретонского, далее следует нормандский, пикардский, валлонский, фламандский, шампанский, лотарингский, франко-континский, бургундский, лионский, брессанский, дофине, овернский, пуатевинский, лимузенский, провансальский, лангедокский, веленский, каталанский, беарнский, баскский, руэргский и гасконский.

Далее Грегуар комментирует политическую составляющую многоязычия. Поскольку, утверждает он, сами названия языков, лингвонимы, производятся из названий упразднённых провинций (после революции ввели административное деление на департаменты), они отражают неразрывную связь со Старым Порядком (Ancien Régime). Он объясняет наличие множества местных языков происками феодалов, которые хотели таким образом помешать своим вассалам объединиться в борьбе за лучшую жизнь. Единый для всех французский язык станет не только языком законности, но и языком реванша по отношению к так называемым *людям комильфо*, занимающим лучшие места под солнцем и не дающим простому народу пользоваться всеми благами гражданского равенства.

Грегуар не видел уже смысла в переводах обращений к народу с французского на местные языки. Аргументом послужило мнение, что большинство местных форм речи не способно выражать абстрактные понятия. Он также считал, что чрезмерное разнообразие языков и наречий ведёт к насилию и массовым убийствам, с чем образцовые франкофоны — жирондисты, эбертисты и дантонисты² — могли бы поспорить, если бы не были к тому времени уже казнены [Там же, 18].

Следствием такой проекции нелояльности к Республике на языки населения были активные мероприятия по принудительному переходу на французский язык. Началась работа по созданию языкового стандарта, по подготовке учителей, составлению учебников и словарей. Французский был введён в программу всех учебных заведений, были назначены наказания для чиновников в случае использования местных языков в деловой сфере — лишение должности и полугодовой тюремный срок, в школах учеников унижали и наказывали за общение на родном языке даже на переменах. Активное распространение французского шло в течение всего XIX века. Языком образования, обязательным условием получения специальности и рабочего места стал исключительно французский.

---

² Жирондисты, эбертисты и дантонисты — фракции существовавших в то время революционных партий, объединявшие сторонников революционного террора. Члены этих фракций сами впоследствии стали жертвами революции.

С эпохи Французской революции стали очевидными и всё более укреплялись основания будущей языковой политики, следующим образом охарактеризованные в [Реферовская и др. 2001, 201]: «В традициях Франции — очень заинтересованное отношение общества в целом, специальных организаций (в том числе Французской Академии) и властных структур к проблемам языковой стандартизации. Для Французского государства всегда была характерна централизованная языковая политика, направленная на утверждение единого общепольского стандартизованного языка и вытеснение иных языковых образований».

Спустя 80 лет после начала целенаправленного введения единого языка, в 1864 г. по инициативе министра народного просвещения Виктора Дюрюи последовал новый опрос населения с помощью новой анкеты. В неё входило 150 вопросов по поводу употребления французского в разных регионах, а также условий жизни учеников, характера образовательных программ и квалификации педагогического состава. На вопросы анкеты отвечали инспекторы учебных заведений. Результаты показали, что примерно четверть опрошенных не знали французского, а в Бретани, Эльзасе и на окситанском Юге это число было ещё выше. Десятая часть из четырёх миллионов опрошенных школьников совершенно не владела французским, более трети владели только устной речью и не умели писать, и только примерно половина освоила все языковые функции. Общепринятый список и характер местных языков по-прежнему оставались за скобками, статистика оставалась приблизительной, см. [<https://www.cairn.info/revue-langage-et-societe-2016-1-page-15.htm>, 18]. Условный лингвоним *патуа* подвергался демонизации и в настоящее время по-прежнему сохраняет уничижительные коннотации, см. словари современного французского языка [Petit Robert, 1977; Trésor de la Langue Française informatisé].

5. XX в. Закон Дейксона

В 1951 году Генеральная ассамблея Республики принимает закон № 51-46, называемый законом Дейксона (loi Deixonne), по имени предложившего его к

рассмотрению депутата от Социалистической партии Анри Дейксона, см.[Loi Deixonne], источник, где показаны также последующие сокращения исходных статей этого закона, принятые в 2000 и 2006 гг. Закон сделал возможным факультативное преподавание *langues et dialects locaux* ‘местных языков и диалектов’, а именно баскского, бретонского, каталанского и окситанского, в качестве школьного предмета. Это был первый закон Франции, в котором появились названия местных языков. Немецкий не входил в перечень как язык врага, корсиканский считался итальянским, т.е. языком иностранного государства, последний был добавлен позже в отдельном декрете вместе с таитянским и меланезийскими языками.

В статье «Региональные языки Франции. Исторические материалы» [Martel 2020, 4] Филипп Мартель объясняет принятие закона Дейксона: «На фоне многочисленных парламентских инициатив со стороны бретонских и каталонских депутатов, коммунистов и представителей народно-республиканского движения, социалисты не могли остаться в стороне и вынуждены были пойти на хотя бы минимальные уступки. Французский язык уже завоевал первенство, местные языки и патуа больше не были угрозой, поэтому стало возможным согласиться на такую паллиативную меру».

6. XX и XXI вв. Европейская хартия региональных или миноритарных языков и Конституция Французской Республики.

Европейская хартия региональных или миноритарных языков была подготовлена по итогам работы Постоянной конференции местных и региональных органов власти европейских стран и была принята в 1992 г. Советом Европы [Charte 1992]. Её целью является защита и поддержка языков и других форм речи национальных меньшинств. В 1998 г. Хартия была открыта для подписания и ратификации. В том же году в Конституцию Франции вошла Статья 2: «La langue de la République est le français» ‘Языком Республики является французский язык’. В связи с необходимостью рассмотреть вопрос о подписании Хартии правительством, Бернар Серкильини, лингвист и в то время (1999 г.) директор Национального института французского языка в составе Centre National de la Recherche

Scientifique (CNRS), представил двум министрам, министру образования, науки и технологии и министру культуры и коммуникаций, доклад о языках Франции, см. [Rapport Cerquiglini].

Целью доклада было определить возможность применения принципов, понятий и критериев, содержащихся в Европейской хартии о региональных и миноритарных языках, к негосударственным языкам Франции. Здесь же Серкильини намечает группу языков, которые в соответствии с предложенными им лингвистическими критериями, можно отнести к региональным языкам, или языкам Франции.

Бернар Серкильини пишет: «En tant que linguiste, le rapporteur ne peut s'empêcher de noter combien faible est notre connaissance de nombreuses langues que parlent des citoyens français. Il se permet de suggérer que la France se donne l'intention et les moyens d'une description scientifique de ses langues, aboutissant à une publication de synthèse. La dernière grande enquête sur le patrimoine linguistique de la République, menée il est vrai dans un esprit assez différent, est celle de l'abbé Grégoire (1790-1792)» 'Будучи лингвистом, автор доклада не может не отметить, насколько слабым является наше знание о многочисленных языках, на которых говорят граждане Франции. Смею надеяться, что Франция найдёт в себе желание и средства для обобщающего научного описания этих языков. Последний раз подобное анкетирование языков Республики пытался проводить, довольно своеобразным образом и с особыми целями, аббат Грегуар в 1790 — 1792 гг.' [Там же, с. 6].

Отмечая безразличие к языковому разнообразию на высоком политическом уровне, Бернар Серкильини даёт понять читателю, что наличие, функционирование и сам состав и названия языков, отличных от французского, не входит в круг интересов тех, от кого зависит их судьба.

Лингвоним как политический маркер для одного из региональных языков — окситанского — подробно рассмотрен, например, в [Bichurina, Costa 2016]: «Приходится признать, что не существует полностью адекватного термина для обозначения географических областей к югу от Луары, которые постепенно присоединяли короли

Франции после Альбигойского крестового похода (1209 — 1229 гг.), как и не существует общепризнанного названия для форм речи, на которых говорили и кое-где говорят и сейчас их жители. Любое наименование данных форм речи оказывается идеологически нагруженным, указывает на политические предпочтения тех, кто его употребляет. Любое наименование несёт в себе след событий политической истории, переплетённые с вариантами и формами языка...эта игра рискует продолжиться и в будущем, показывая, что на языке даже необязательно говорить, чтобы сделать его предметом непрекращающихся раздоров» [там же, 3].

Серкильини [Serquiglini Rapport, 2] утверждает, что само по себе подписание Европейской хартии не вызывает возражений. Подписание международного документа не имеет юридической силы и ограничивается простым выражением согласия с условиями и правилами, изложенными в нём. Франция подписала Европейскую хартию в 1999г., но до настоящего времени не ратифицировала её. Ратификация означала бы юридическую обязательность и практическое применение положений Хартии на территории Франции. Невозможность следующего этапа, т.е. ратификации Европейской хартии, объясняется в постановлении Генеральной Ассамблеи в составе Государственного совета, принятом в июне 2015 г., см. [Conseil d'Etat 1, 2015].

Кратким итогом этого документа является следующее: 15 июня 1999 г. Конституционный совет, опираясь на статью 2 Конституции Республики Франция — «Государственным языком Республики является французский язык», — установил, что Хартия содержит положения, противоречащие Конституции. Если бы Франция ратифицировала Хартию, она бы нарушила конституционные принципы неделимости Республики, равенства перед законом, единства французского народа, а также конституционный статус французского языка. В 2015 г. Государственный совет в свою очередь отклонил законопроект по ратификации Хартии [Conseil d'Etat 2, 2015] на том основании, что статья 21 Хартии говорит об особых правах носителей региональных и

миноритарных языков, в частности, о праве пользоваться своими языками в социальной и политической сферах.

Франция подписала не всю Хартию, а 39 из 98 её статей. В июле 2013 г. специальный комитет Министерства культуры, *Comité consultatif pour la promotion des langues régionales et de la pluralité linguistique interne* (Консультативный комитет по развитию региональных языков и языкового разнообразия в стране) представил министру культуры и коммуникаций доклад под названием *Redéfinir une politique publique en faveur des langues régionales et de la pluralité linguistique interne* ('Об изменениях в государственной политике поддержки региональных языков и языкового разнообразия в стране'), см. [Rapport Comité, 2013].

В докладе даётся определение регионального языка и перечисляются языки, признанные региональными: «Les langues régionales se définissent, dans l'Hexagone, comme des langues parlées sur une partie du territoire national depuis plus longtemps que le français langue commune. ...

Par ordre alphabétique : basque, breton, catalan, corse, dialectes allemands d'Alsace et de Moselle (alsacien et francique mosellan), flamand occidental, francoprovençal, langues d'oïl (bourguignon-morvandiau, champenois, franc-comtois, gallo, lorrain, normand, picard, poitevin-saintongeais (poitevin, saintongeais), wallon), occitan ou langue d'oc (gascon, languedocien, provençal, auvergnat, limousin, vivaro-alpin), parlers liguriens» 'Региональные языки определяются в континентальной Франции как языки, на которых говорят на какой-либо части государственной территории в течение более длительного времени, чем на общеупотребительном французском языке.

В алфавитном порядке (в порядке французского алфавита — О.Г.): баскский, бретонский, каталанский, корсиканский, немецкие диалекты Эльзаса и Мозеля (эльзасский и мозельский франкский), западный фламандский, франкопровансальский, языки ойль (бургундский-морванский, шампанский, франко-контский, галло, лотарингский, нормандский, пикардский, пуатевинский, сентонжский, валлонский), окситанский или

язык ок (гасконский, лангедокский, провансальский, овернский, лимузинский, виваро-альпийский), лигурийские наречия’.

Несмотря на то, что появились определение и наименования региональных языков, исследователи отмечают недостаточность демографических и лингвистических данных. Одним из возможных объяснений может служить существующее во Франции табу на открытое признание языкового разнообразия в историческом контексте двух веков государственного моноязычия [Filhon 2016, 29].

Источники

Charte 1992 —
<https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=090000168007c098>.

Conseil d’Etat 1, 2015 — www.conseil-etat.fr/avis-consultatifs/derniers-avis-rendus/au-gouvernement/ratification-de-la-charte-europeenne-des-langues-regionales-ou-minoritaires.

Conseil d’Etat 2, 2015 — www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000043524738.

Loi Deixonne — <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000886638>.

Martel 2020 — www.felco-creo.org/wp-content/uploads/2020/03/Les-langues-r%C3%A9gionales-de-France-et-lu2019%C3%89tat-Ph.-Martel.pdf.

Noubel, Dewick 2021 — <https://globalvoices.org/2021/07/26/the-french-governments-u-turn-on-regional-languages>.

Ordonnance 1539 — https://www.lexilogos.com/francais_villers_cotterets.htm.

Petit Robert. Dictionnaire de la langue française. Paris, 1987

Questionnaire Grégoire — www.persee.fr/doc/ahess_0395-2649_1975_num_30_1_293586.

Rapport Cerquiglini — www.vie-publique.fr/sites/default/files/rapport/pdf/994000719.pdf.

Rapport Comité 2013 — www.culture.gouv.fr/Thematiques/Langue-francaise-et-langues-de-France/Nos-missions/Promouvoir-les-langues-de-France/Langues-regionales.

Rapport Grégoire 1 — www.assemblee-nationale.fr/histoire/Abbe-Gregoire1794.asp.

Rapport Grégoire 2 — fr.wikipedia.org/wiki/Abb%C3%A9_Gr%C3%A9goire.

Textes webetab.ac-bordeaux.fr/primaire/64/oloron/themes/file/occitan/Textes_relatifs_a_lenseignement_des_langues_regionales.pdf.

Trésor de la Langue Française informatisé — atilf.atilf.fr

Литература

Морозова Е.В. Языковая ситуация на Юге Франции. От Генеральных Штатов до Термидора // Формирование романских литературных языков: провансальский — окситанский. М., 1991.

Реферовская Е.А., Бокадорова Н.Ю., Гулыга О.А., Чельшева И.И. Французский язык // Языки мира. Романские языки. М.: Academia, 2001.

Bichurina, N., Costa, J. Nommer pour faire exister. L'épineuse question de l'Oc.// Le noms des langues IV. Nommer des langues romanes. Eloy J.-M. (ed.). Bibliothèque des Cahiers de Linguistique de Louvain. Louvain, 2016.

Filhon, A. Languages in publicly-available statistical surveys: Viewpoints and an overview//Language et société, 2016. Vol. 155, issue 1, pp. 15 — 38.

Jensdottir, R. Que-est ce que la Charte européenne des langues regionales ou minoritaires? // Hérodote 2002/2, № 5, стр. 169 — 177.

Pascot, A. Minority languages, marginalized languages, minoritized languages or language in a minoritital situation? Attempted definition and performances. RUDN Journal of Language Studies Semiotics and Semantics 8(4):1084-1102. DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1084-1102.

Viaut, A., Pascaud, A. Pour une définition de la notion de « langue régionale // *Lengas* [En ligne],82 /2017 // <http://journals.openedition.org/lengas/1380> ; DOI : <https://doi.org/10.4000/lengas.1380>

Multilingualism in France: a precis on history and the present time

**O.A. Gulyga (Institute of linguistics,
Russian Academy of Sciences)**

The article presents general information on the composition and situation of the regional languages and other local vernaculars in France, both in the past and modern times. The role and status of such language forms are defined, and typical attitudes from the ruling elites and relevant legislation are specified.

Keywords: regional languages of France, French language policy, language issues in Constitution of France, language discrimination

ГРИМАСА: концептуальный анализ

П.С. Дронов (Институт языкознания РАН)

Аннотация

Статья посвящена анализу концепта ГРИМАСА согласно алгоритму, предложенному Ю.С. Степановым в работе «Константы: Словарь русской культуры». Анализируются сходство и различие представлений о гримасе в русском языке в сопоставлении с германскими (английский, немецкий), романскими (французский) и славянскими (сербский). Демонстрируется, что, при различиях в семантике (как денотативных, так и коннотативных) объединяющей идеей для всех языков является ‘отклонение от привычного эталона или нормативного идеала’.

Ключевые слова: концепт ГРИМАСА, концептуальный анализ, лексическая семантика, славянские языки, германские языки, романские языки.

Как известно, работа Ю.С. Степанова «Константы: Словарь русской культуры» [Степанов 2004] заканчивается словарной статьей «Весь мир — театр». В данной статье мы решили рассмотреть один из концептов, очевидным образом связанных с этой константой культуры, — ГРИМАСУ. Разработанный в словаре «Константы...» алгоритм описания концепта является теоретической и методологической базой исследования и построения словарной статьи «Гримаса».

1. Вводные замечания. Этимологические параллели и семиотические ряды

Согласно этимологическому словарю М. Фасмера, рус. *гримаса* восходит к нем. *Grimasse*, которое, в свою очередь, восходит к фр. *grimace*. Французское же слово происходит из языка франков и соотносится с древненижнемецким *grima* ‘маска, личина (защита шлема)’. По данным этимологических словарей [Фасмер, 1986, с. 459; CNRTL; Etymonline], когнатами этого слова являются фр. *grimoire* ‘гримуар’, *grimer*

‘гримироваться’, англ. *grim* и нем. *grimt* ‘мрачный, угрюмый’, да. *gríma* ‘маска, личина, забрало’¹), греч. $\chi\rho\epsilon\mu\acute{\iota}\zeta\omega$, $\chi\rho\epsilon\mu\epsilon\tau\acute{\iota}\zeta\omega$ ‘ржу’, а также рус. *зреть*, *зром*.

2. Гримаса как изотема

По Ю.С. Степанову, изотемы — это, с одной стороны, пересечения исследовательских тем. В книге «Концепты: тонкая пленка цивилизации» [Степанов 2007] эти изотемы обозначаются с помощью амперсанда (например, «Философия & Философование & Философия в контексте современной гуманитарной науки»). Гримаса, как было сказано выше, восходит к маске. Маска оказывается изотемой для целого ряда областей знания: философии, религиоведения, искусствоведения и этнографии и др. К маске восходит и другой концепт — персона, — однако между гримасой и персоной есть важное различие: персона (от лат. *persona*, возникшего на основе этрусского *persu* ‘маска’) — это маска, которая «приросла» к лицу и стала им (см. анализ концепта человек, личность в [Степанов, 2004, с. 716—735], а также [Слепухин, 2013])², тогда как гримаса — это маска, отличающаяся от лица. Это отличие гримасы от персоны основано на нескольких парных противопоставлениях:

- естественная мимика vs. неестественная мимика;
- красота vs. уродство;
- осознаваемое vs. неосознаваемое.

3. Естественное vs. неестественное. Красота vs. уродство

В современных европейских языках понимается, прежде всего, как искажение черт лица. Ср. определения слова *grimace* в Кембриджском словаре и «Ларуссе»:

‘an expression of pain, strong dislike, etc., in which the face twists in an ugly way’
(‘выражение боли, резкого неприятия и т.д., при котором лицо уродливо искажается’)

[Cambridge Dictionary];

---

¹ Словом, *grima*, например, можно назвать лицевую часть знаменитого шлема из Саттон-Ху; ср. также говорящее имя отрицательного персонажа во «Властелине колец» Дж. Р. Р. Толкина: *Grima Wormtongue* ‘Грима Змиеуст’ (в ряде переводов также «Гнилоуст», «Червослов»), буквально ‘Маска — Змеиный язык’.

² Соответственно, персона — это изотема еще и для для юриспруденции; впрочем, ср. английские этимологические дубликаты *person* ‘человек’ и *persona* ‘маска, личина’.

‘Contorsion de certains muscles du visage qui traduit un sentiment de douleur, de dégoût, etc.; Toute contorsion des muscles du visage qui enlaidit’ (‘сокращение определенных мышц лица, которое передает ощущение боли, отвращения и т.д.; любое сокращение мышц лица, которое уродует’) [Larousse].

Похожее толкование мы видим в славянских языках и немецком (см. ниже). Общая черта всех толкований — искажение черт лица. Этим легко объясняется семантическая сочетаемость слова *гримаса*; по-русски можно сказать *гримаса боли, отчаяния*, по-английски — *grimace of pain, disgust* ‘гримаса боли, отвращения’ или *painful grimace* ‘болезненная гримаса’, по-французски — *une grimace de désapprobation* ‘гримаса неодобрения’, по-немецки — *eine verächtliche Grimasse* ‘презрительная гримаса’ и т. д.

4. Искажение осознанное vs. искажение неосознанное

В славянских языках, а также в немецком, мы обнаруживаем еще один семантический компонент. Приведем дефиниции из «Малого академического словаря», сербохорватского «Словаря Матицы Сербской» и онлайн-версии «Дудена»:

‘1. Намеренное или невольное искажение черт лица; мина’ [МАС, I, с. 347];

‘спонтан или вештачки, искривљен, промењен израз лица, обично у вези с расположењем’ (‘спонтанно или искусственно искривленное, измененное выражение лица, обычно связанное с настроением’) [РСМ, I, с. 565];

‘[bewusst] verzerres Gesicht, das etwas Bestimmtes, eine momentane Haltung o. Ä. zum Ausdruck bringt’ (‘[сознательно] искаженное лицо, которое выражает что-л. конкретное, некое текущее отношение или нечто подобное’) [Duden].

Судя по толкованиям, гримаса может пониматься или как симптоматическое выражение по Ю.Д. Апресяну («“симптоматические” выражения, указывающие на объективные изменения внешности под влиянием эмоции» [Апресян, 1995, с. 373]), или как мимический жест по Г.Е. Крейдлину (см., например, [Крейдлин 2002]). Мимический жест, т.е. осознанное искажение лица, может быть описан целым рядом словосочетаний с компонентом *гримаса*: *сделать/скорчить/состроить гримасу* (ср. также дериват

гримасничать); серб. *направити гримасу* ‘сделать гримасу’; фр. *faire une grimace* ‘сделать гримасу’; нем. *eine Grimasse schneiden* (букв. ‘сшить гримасу’, ср. дериват *Grimassenschneider* ‘тот, кто гримасничает’). Судя по немецкой коллокации, в немецком языке сохраняется связь гримасы с маской. Французская *grimace* быть и неосознанной, и осознанной; ср. поговорку *Ce n'est pas à un vieux singe qu'on apprend à faire des grimaces* (букв. ‘Старую обезьяну не учат корчить гримасы’). В то же время по-английски *to make a grimace* является, скорее, симптоматическим выражением (ср. также выбор рус. *гримаса* в качестве переводческого эквивалента англ. *wince* — производного от *to wince* ‘вздрагивать от боли; морщиться’: *My smile is closer to a wince, as though the effort hurts* — *Моя улыбка больше напоминает гримасу, как будто мне больно улыбаться* [Lauren Oliver. *Before I fall* (2010) | Лорен Оливер. *Прежде чем я упаду* (А. Киланова, 2017); НКРЯ]). Эквивалентом мимического жеста является, скорее, *to make a [funny] face / a pout* (букв. ‘сделать [смешное/странное] лицо / лицо с надутыми губами’), ср.:

(1) *‘When I was little everybody called me Mary.’ Marian makes a face. ‘But now everybody calls me Marian.’* [Lauren Oliver. *Before I fall* (2010)] — *Когда я была маленькой, все звали меня Мэри. — Мэриан корчит гримасу. — Но теперь — только Мэриан.* [Лорен Оливер. *Прежде чем я упаду* (А. Киланова, 2017); НКРЯ].

Описание мимического жеста как «делания лица» мы видим и в русском: ближайший синоним *гримасы* в словосочетаниях с компонентами *скорчить, состроить* — это *рожа*. Судя по эквивалентам в переводах с английского (*sad frown* — *печальная гримаса, dramatic pout* — *недовольная гримаса*), русская *гримаса* — это нечто утрированное, отличное от эталона выражения лица:

(2) **a.** *Finally she flipped up in the air, balanced for a moment on her head, and twisted her arms and legs together like a mass of twine before looking up at the Baudelaires with a sad frown. “You see?” Colette said. “I’m a complete freak.”* [Lemony Snicket. *The Carnivorous Carnival* (2002)] — *И Колеетт, еще раз вздохнув, принялась демонстрировать все возможности женщины змеи. Сперва она согнулась пополам и просунула голову между*

ногами, потом свернулась клубком на полу. Затем, оперишись одной ладонью об пол, приподняла все тело на нескольких пальцах, а ноги заплела спиралью. Под конец она прыжком перевернулась в воздухе, постояла чуть-чуть на голове и переплела руки и ноги вместе, точно моток шпагата, после чего с печальной гримасой взглянула на Бодлеров. — Ну, видите, какой я урод? — сказала она. [Лемони Сникет. Кровожадный карнавал (Н. Рахманова, 2005); НКРЯ]. **b.** *I thought I'd do something violent if I heard his voice again, so I dropped my bag of papers on the counter, threw both arms up in the air and thrust my hips to the left, while pursing my lips into a dramatic pout.* [Lauren Weisberger. The Devil Wears Prada (2003)] — Я думала, что просто взорвусь, если услышу его голос, и сейчас бросила сумку на барьер, резким движением подняла руки и с силой двинула бедрами влево, сложив губы в недовольную гримасу. [Лорен Вайсбергер. Дьявол носит Прада (М. Маяков, Т. Шабаева, 2006); НКРЯ].

В силу того, что гримаса может одновременно ассоциироваться и с маской, и с самим лицом, мы можем говорить о ее амбивалентности.

5. Амбивалентность гримасы: положительная и отрицательная оценка

Выше было приведено лишь одно из двух толкований *гримасы* в «Малом академическом словаре». Приведем второе: ‘2. перен.; чего. Уродливое проявление чего-л. *Гримасы жизни*’ [МАС, с. 347]. С этим толкованием можно согласиться лишь частично, ср. словосочетание *гримасы жизни* в параллельном корпусе:

(3) *I had been a magistrate for almost eleven years now. I watched the whole of human life come through my court: the hopeless waifs who couldn't get themselves together sufficiently even to make a court appointment on time; the repeat offenders; the angry, hard-faced young men and exhausted, debt-ridden mothers.* [Jojo Moyes. Me Before You (2012),] — Я проработала мировым судьей почти одиннадцать лет и наблюдала все гримасы человеческой жизни: неисправимых бродяг, которые не могут даже собраться с силами и явиться в суд в назначенное время, рецидивистов, озлобленных юношей с жесткими лицами и

измотанных, погрязших в долгах матерей. [Джджо Мойес. До встречи с тобой (А. С. Киланова, 2013); НКРЯ].

В качестве контпримера приведем словосочетание *гримасы судьбы*. Очевидно, что *гримаса* здесь оценивается не как «уродливое», т.е. однозначно отрицательное, проявление чего-либо, а, скорее, как нечто аномальное и неожиданное, вызывающее удивление:

(4) **а.** [Николь Кидман] *в то время снималась у Аменабара в «Других», коих, между прочим, продюсировал Круз, выслушивала откровения репортеров о похождениях благоверного и исполняла трагичную роль матери двоих детей (у нее с Крузом приемные мальчик и девочка), изнывающую по поводу без вести пропавшего мужа. Вот такие «гримасы судьбы» — готовый сценарий о влиянии киномузы на своих верноподданных.* [Андрей Гусев. Новинки кинопроката (2002) // «Биржа плюс свой дом» (Н. Новгород), 11.03.2002; НКРЯ]. **б.** *Момент страдания для него еще и в том, что не все, не все начальники его ранга — и повыше! — оказались в положении обвиняемых. Иные благополучно работают и сегодня, и с них как с гуся вода, вот где гримасы судьбы...* [А. Б. Гребнев. Дневник (1988)]

Определенную амбивалентность оценки мы видим у рус. *гримаса* и в первом значении: можно сказать *милая, забавная... гримаска* с уменьшительно-ласкательным суффиксом, — однако [?]*милая/забавная гримаса* является, скорее, оксюмороном.

6. Объединяющая идея

Все значения *гримасы* во всех перечисленных языках имеют общий семантический компонент: ‘отклонение от привычного эталона или нормативного идеала’. Отклонением от эталона являются искаженные черты лица, утрированная мимика (см. выше *печальная гримаса*). Своего рода отклонением, отступлением от обычного порядка вещей, являются и маски, и само искусство, и ритуалы. Здесь трудно не провести параллели между объединением осознанного с неосознанным, естественного (мимика) с искусственным (маска) — и культурной константой «Весь мир — театр» [Степанов, 2004, с. 948—974].

Отклонение от привычного эталона может оцениваться отрицательно (ср. выше: «уродливые проявления», “toute contorsion <...> qui enlaidit”), но, по сути, оценка ее двойственна. Оно служит источником удивления, которое, как известно, связано и со страхом, и с радостью [Tomkins, 1962, 1963]. Эта двойственность — маска vs. лицо, амбивалентность оценки — изначально присуща гримасе, поэтому она и дальше будет проявляться в языке.

Источники

МАС — Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. — 4-е изд., стер. Т. 1. А—Й. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://ruscorpora.ru>.

РМС — Речник српскохрватскога књижевног језика. Нови Сад — Загреб, 1967 [Друго фототипско издање: Београд, 1990] = Речник Матице Српске.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В четырех томах. Том I (А — Д). М.: «Прогресс», 1986.

CNRTL — Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales. URL: <https://www.cnrtl.fr/etymologie/>.

Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>. (Дата обращения: 12.12.2020).

Duden — Duden Wörterbuch // <https://duden.de>

Etymonline — Online Etymology Dictionary // <https://www.etymonline.com/>.

Larousse — Larousse Française // <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais>.

Литература

Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 348—388.

Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002.

Слепухин С.Н. Лингвокультурные предпосылки реализации древнеримского концепта «persona» в юридическом дискурсе // Языковые параметры современной цивилизации. Сборник трудов первой научной конференции памяти академика РАН Ю.С. Степанова / Под ред. В.З. Демьянкова, Н.М. Азаровой, В.В. Фещенко, С.Ю. Бочавер. М.: Институт языкознания РАН, ИП Шилин И.В. («Эйдос»), 2013. С. 243—251.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: «Академический проект», 2004.

Степанов Ю.С. Концепты — тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007.

Tomkins, S. S. Affect, imagery, consciousness. Vol. I. The positive affects. New York, 1962.

Tomkins, S. S. Affect, imagery, consciousness. Vol. II. The negative affects. New York, 1963.

GRIMACE: a conceptual analysis

**P.S. Dronov (Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences)**

The paper analyses the GRIMACE concept according to Academician Yuri Stepanov's algorithm proposed in his pivotal dictionary, *Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury* ('Constants: a Dictionary of Russian Culture'). Analysing similarities and differences in the ways grimace is conceptualised in Slavic (exemplified by Russian and Serbian), Germanic (English, German), and Romance (French) languages, the paper demonstrates that, despite all denotative and connotative differences, the key idea behind the grimace shared by all the languages considered is 'violation of the familiar template, norm, or ideal'.

Key words: the concept of GRIMACE, conceptual analysis, lexical semantics, Slavic languages, Germanic languages, Romance languages.

**Фразеологизмы-конструкции в корпусе: особенности поиска и анализа
выдачи (на материале немецкого языка)**

Е.Б. Кротова (Институт языкознания РАН)

Аннотация

Статья посвящена одному из направлений современных фразеологических исследований, а именно, изучению фразеологизмов-конструкций. Их поиск в корпусе может быть нетривиальной задачей даже для опытного пользователя. В статье на примере нескольких немецких фразеологизмов-конструкций показано, как осуществлять сложные поисковые запросы в корпусах НКРЯ, DeReKo, Sketch Engine, а также как получать из выдачи частотную информацию о заполнении слотов конструкций.

Ключевые слова

Фразеологизмы-конструкции, корпусная лингвистика, фразеология, поиск в корпусе.

Во фразеологических исследованиях мало внимания уделяется изучению фразеологизмов-конструкций¹, хотя подобные структуры могут быть весьма употребительны в языке. Помимо лексического якоря у фразеологизмов-конструкций есть слоты, заполнение которых уникально: у одной конструкции слоты могут заполняться только существительными определенного семантического класса, у другой — заполнение может быть практически любым. Выявить ограничения на слоты и изучить речевое поведение фразеологизма-конструкции можно с помощью крупных текстовых корпусов. Однако по-

---

¹ «Синтаксически автономные выражения устойчивого состава, в которых пропущены некоторые элементы (актанты — обычные (X, Y) или пропозициональные (P, Q))» [Добровольский 2016, 12].

необходимо составлять сложные запросы, позволяющие максимально точно описать требуемую конструкцию. Для составления таких запросов часто требуется знание специального языка запросов CQL — Corpus Query Language. Дополнительная сложность для исследователя состоит в том, что в корпусах используются различные языки запросов, которые наравне с корпусной аннотацией во многом определяют возможности поиска.

На данный момент словари и/или электронные базы по фразеологизмам-конструкциям только начинают появляться и разрабатываться. Для немецкого языка имеется в открытом доступе конструктор грамматических конструкций «Konstruktikon des Deutschen» ([Ziem, 2019], [Konstruktikon des Deutschen]), содержащий чуть более 30 конструкций. В словарных статьях даются пример на конструкцию, ее значение, подробное описание элементов, структура конструкции и отсылки к другим конструкторам. Для русского языка имеется в открытом доступе электронный ресурс «Русский Конструктор» (далее — RusCnn), содержащий более 2200 однословных грамматических конструкций русского языка [Radovan et al. 2021]. В словаре помимо значений конструкции и примеров даются по возможности частотные заполнители слотов, а также может предоставляться дополнительная информация в виде стилистических, морфологических, синтаксических и семантических помет. Так, дается описание синтаксического типа конструкции, синтаксической функции якоря, части речи якоря, семантических типов конструкции и т.д. RusCnn является одним из самых больших конструкторов среди аналогичных ресурсов. Также в настоящее время идет работа над созданием онлайн-словаря фразеологизмов-конструкций в русском и немецком языках, в которой автор статьи также принимает участие. Описание проекта и структуры словарной статьи дается в [Pavlova 2022]. В данном словаре помимо описания значения и примеров приводятся морфологические характеристики фразеологизма-конструкции, описываются семантические ограничения, синтаксическая функция, даются комментарии по употреблению конструкции в тексте, по стилистическому регистру, просодии, наличию вариантов и неполных синонимов. Имеются примеры из параллельных корпусов, к

которым при необходимости даются комментарии. На данный момент в словаре нет информации о частотных слотах, но планируется ее добавить.

Несмотря на наличие большого количества разнообразных корпусов и корпусных менеджеров² задача поиска конструкций, заполнения их слотов и построения частотного списка по ним является нетривиальной. Разбору этой задачи посвящена данная статья. На примере нескольких фразеологизмов-конструкций будет показано, как формировать подходящие запросы к корпусу и как анализировать выдачу. Для статьи были отобраны три корпусных менеджера — [НКРЯ], [Sketch Engine], [DeReKo]. В статье не будут разбираться основы работы с данными корпусными менеджерами. Подробные инструкции имеются:

- для НКРЯ [НКРЯ. Инструкция];
- для Sketch Engine [Sketch Engine User Guide];
- для DeReKo [DeReKo. Syntax der Suchanfragen].

Также основы работы с DeReKo были подробно описаны, в том числе, в [Добровольский и др. 2014], с Sketch Engine — в [Кротова 2019]. В статье будет показана именно работа со сложными запросами, так как она может вызывать трудности даже у опытных пользователей корпуса.

1. НКРЯ

Начнем обзор с НКРЯ как с корпусного менеджера с удобным интерфейсом, предоставляющим доступ к более чем десятку корпусов с богатой разметкой. Помимо корпусов для русского языка в НКРЯ имеются параллельные корпуса, в том числе для языковой пары немецкий — русский. Функционал основного корпуса несколько шире функционала параллельного корпуса, что будет показано ниже.

---

² Корпусным менеджером называется «специализированная поисковая система, включающая программные средства для поиска данных в корпусе, получения статистической информации и предоставления результатов пользователю в удобной форме» [Захаров 2005, 3]

Возьмем для начала русский фразеологизм-конструкцию с повтором N'_{nom} N'_{instr}, но/а/да X/NP³. Пример из корпуса НКРЯ:

Перестройка перестройкой, но и она не всё могла «переварить» из того, что рассказал тогда Визенталь. [Михаил Карпов. Список Визенталья // «Совершенно секретно», 2003.05.05]

В запросе требуется указать, что первое слово должно быть существительным в именительном падеже, а следующее за ним — существительным в творительном падеже, причем леммы должны повторяться. В НКРЯ такой запрос составить несложно за счет удобного интерфейса. Для этого необходимо в Основном корпусе в лексико-грамматическом поиске для первого слова выбрать в грамматических признаках «Часть речи — существительное», «Падеж — именительный». Для второго слова — «Часть речи — существительное», «Падеж — творительный». Удобство интерфейса НКРЯ заключается в том, что не требуется знание специального языка запросов. Запрос формируется на основании признаков, которые пользователь выбирает в меню. Так, для первого слова в грамматических признаках отобразится «S,nom», для второго слова — «S,ins». Часто в корпусах тэги для различных грамматических и иных признаков необходимо искать по описанию набора тэгов к используемому корпусу, как, например, при работе с грамматическими признаками в Sketch Engine.

В рассматриваемой конструкции также присутствует повтор. Корпусные менеджеры редко предоставляют возможность поиска по повторам, но в НКРЯ она имеется. Для этого необходимо в дополнительных признаках для обоих слов выбрать «Повтор лексемы». В выдаче можно увидеть почти 8000 контекстов, соответствующих данному запросу. Узнать частотное заполнение слотов можно с помощью инструмента по анализу n-грамм: вверху выдачи имеются ссылки на 2-граммы по запросу. Первыми тремя по частотности заполнителями слотов являются следующие 2-граммы: *друг другом, честь*

---

³ Конструкция взята из проекта «Немецко-русская база фразеологических конструкций» (под руководством А.В. Павловой) [Pavlova 2022].

честью, дурак дураком. Если посмотреть примеры из корпуса на самую частотную биграмму «друг другом», можно заметить, что речь идет не об исследуемой фразеологической конструкции. Сократить количество ненужных контекстов в выдаче можно уточнив запрос, например, указав в дополнительных признаках для первого слова, что оно должно идти после любого знака препинания. При таком запросе количество контекстов в выдаче сокращается до 1863, и самыми частотными 2-граммами становятся: *дурак дураком, дружба дружбой, честь честью*, что соответствует исследуемой конструкции.

Аналогичный поиск можно провести в Параллельном корпусе НКРЯ. В отличие от основного корпуса в параллельном корпусе для выдачи нет подсчитанных n-грамм. Получить статистику по выдаче можно следующим образом: необходимо скачать выдачу в формате Excel (ссылка на скачивание есть внизу страницы с выдачей). В скачанном файле предложения разбиты на столбцы. Первое слово запроса идет в столбце Center, второе слово вместе с последующими идет в столбце Right context. Для получения статистики по частотности в данном случае нужно с помощью функции UNIQUE() вывести все уникальные значения из столбца Center (например, запись в ячейке =UNIQUE(E2:E183) означает, что выводятся все уникальные значения из столбца E, где в строке 2 первый элемент выдачи, а в строке 183 — последний). Далее с помощью функции COUNTIF() можно посчитать, сколько раз встречается определенное уникальное значение в рассматриваемом диапазоне (например, запись =COUNTIF(E2:E183; E185) означает, что в диапазоне E2:E183 ищется уникальное значение, которое записано в ячейке E185. Таким образом получаем статистику, согласно которой самыми частотными заполнителями являются: *дурак дураком, свинья свиньей, чин чином, дружба дружбой*. Можно видеть, что верх частотного списка в основном корпусе и в параллельном частично совпадает. Отличия объясняются значительно меньшим объемом параллельного немецко-русского корпуса и его составом: основной корпус является сбалансированным, в то время как в параллельном корпусе в основном представлены художественные тексты.

Для поиска конструкций полезными также могут оказаться дополнительные операторы поиска, которые можно использовать в НКРЯ: символ *, означающий любую последовательность символов; символ | является логическим оператором «или»; символ - является логическим оператором «не»; символ & является логическим оператором «и». Покажем на примере двух немецких конструкций использование этих операторов:

1. Конструкция *von wegen X[!]* означающая отрицание или противоречие. Пример: *Von wegen freie Religionsausübung* ‘никакого свободного вероисповедания’. Если в первом поле для лексико-грамматического поиска ввести *von*, а во втором поле — *wegen*, то получим много неподходящих контекстов, где после *wegen* идет пунктуационный знак. В дополнительных признаках второго слова можно выбрать «Слово перед любым знаком препинания». В соответствующем поле появится запись *bmark*. Перед ней можно использовать оператор -, тогда полная запись будет выглядеть как *-bmark*. Таким образом мы найдем все контексты, где после *von wegen* не идет знака препинания и которые соответствуют исследуемой конструкции.

2. Конструкция *Da hast du [dein/deinen/deine] / Da haben Sie [Ihr/Ihre] / Da habt ihr [eure/euer/eure] N_{Akk} [!]* означающая либо предъявление чего-либо, либо скепсис. Пример: *Da habt ihr eure Krise!* ‘вот вам и кризис!’. Для первого слова указывается лексема *da*, для второго слова — лексема *haben* и в грамматических признаках глагол, второе лицо, для третьего слова — в грамматических признаках мест.-сущ. и второе лицо, в четвертом окне в поле лексема можно через оператор | указать все требуемые лексемы (запись выглядит следующим образом: *dein|euer|Ihr*), в пятом окне в грамматических признаках выбирается существительное. Поиск по параллельному немецко-русскому корпусу дает 18 вхождений, из которых большинство соответствует исследуемой конструкции.

Как показано, за счет удобного интерфейса, богатой разметки и возможности использования дополнительных операторов в НКРЯ несложно находить фразеологизмы-конструкции. Единственный недостаток параллельного корпуса — его относительно

небольшой объем, из-за чего для получения достоверной статистики по заполнению слотов конструкции может быть недостаточно данных.

2. Sketch Engine

Для работы с грамматическими признаками в корпусах, имеющихся в Sketch Engine, необходимо обратиться к описанию набора тэгов для соответствующего корпуса. Например, описание набора тэгов для корпуса German Web 2018 представлено по ссылке [Sketch Engine. Tagset zum deutschen Korpus German Web]. Для каждой части речи есть свой тэг (например, ADJ.* для прилагательного) и набор грамматических признаков, которые можно использовать. Так, у прилагательных можно учитывать степень сравнения (тэги Comp, Sup, Pos), падеж (тэги Nom, Gen, Dat, Acc), число, род. Если указываются не все признаки, то между ними ставится знак *. Например, с помощью записи [tag="ADJA.*Acc.*"] можно найти все прилагательные в аккумулятиве. Иные признаки — число, род, степень сравнения — не указаны, их заменяет знак *.

Рассмотрим на нескольких примерах возможности поиска в Sketch Engine. Для поиска с использованием языка запросов CQL необходимо выбрать в меню «Concordance — Advanced» и в «Query type» выбрать CQL. Для формирования запроса удобнее пользоваться инструментом CQL Builder. Каждый элемент запроса заключается в квадратные скобки. В качестве названия атрибута можно указать конкретную словоформу (word), лемму (lemma), тэг (tag), лемму в нижнем регистре (lemma lowercase), падеж, число, род и т.д. Далее выбирается знак равно = или отрицание !=, после чего вводится значение атрибута. Рассмотрим примеры запросов на различные конструкции.

1. В качестве первой конструкции возьмем уже рассматривавшуюся в предыдущем пункте *von wegen X[!]*. В качестве первого элемента запроса вводим лемму *von*, второй элемент — лемма *wegen*. Далее требуется исключить контексты, где после *wegen* идет любой знак препинания. Для этого в описании тэгов к корпусу ищется тэг для символов — SYM, вместо знака равенства следует выбрать отсутствие равенства. Запрос выглядит следующим образом: [lemma="von"] [lemma="wegen"] [tag!="SYM.*"].

В открывшемся конкордансе можно выбрать в меню инструмент для подсчета частотности Frequency и выбрать опцию wordforms (словоформы). Самой частотной будет последовательность «von wegen + der». Можно открыть конкорданс только для этого сочетания и провести дополнительную сортировку по леммам справа для того, чтобы найти частотные слоты. Для данной конструкции выявить их сложно, так как наблюдается большая вариативность, в том числе частеречная. Решением мог бы быть дополнительный анализ выдачи с помощью [spaCy], позволяющей анализировать синтаксические поддеревья и получать иную морфологическую информацию по элементам текста.

Данные из выдачи Sketch Engine также можно скачать, в том числе, в формате Excel и самостоятельно проанализировать их.

2. Составим запрос для уже рассматривавшейся конструкции *Da hast du [dein/deinen/deine] / Da haben Sie [Ihr/Ihre] / Da habt ihr [eure/euer/eure] N_{Akk} [!]*. Для второго элемента, глагола *haben*, необходимо указать лемму и грамматическую информацию. Если атрибуты относятся к одному элементу, то они связываются внутри квадратных скобок с помощью операторов «и» &, «или» |. Описание для глагола *haben* будет выглядеть следующим образом: [lemma="haben" & tag="VFIN.*.2.*"], то есть ищется лемма *haben* и одновременно финитный глагол во втором лице. Для третьего элемента тэг выглядит следующим образом: [tag="PRO.Pers.*.2.*"], то есть личное местоимение во втором лице. Для притяжательных местоимений в этом корпусе лучше использовать запись [lemma_lc="deine|eure|Ihre"]. В корпусе, очевидно, имеется ошибка в лемматизации притяжательных местоимений, из-за чего необходимо выбрать лемму в нижнем регистре и указывать ее с окончанием женского рода. Полный запрос для конструкции выглядит следующим образом: [lemma="da"] [lemma="haben" & tag="VFIN.*.2.*"] [tag="PRO.Pers.*.2.*"] [lemma_lc="deine|eure|Ihre"].

3. Рассмотрим конструкцию *X hin, X her* (безразличие, уступка). Пример: *Lüge hin, Lüge her!* ‘ну ложь, так ложь’. В данной конструкции после запятой не должно идти ни *und*, ни *oder*. Исключить эти две леммы можно используя оператор неравенства !=. Для третьего

элемента описание будет выглядеть так: [lemma!="und|oder"], то есть мы исключаем лемы *und* или *oder*. Полный запрос выглядит следующим образом: [lemma="hin"] [tag="SYM.*.Comma.*"] [lemma!="und|oder"] [lemma="her"], то есть первым элементом является *hin*, далее идет запятая, следующий элемент не является ни *und*, ни *oder*, а затем идет лемма *her*.

4. Рассмотрим конструкцию *N [,] wie es/er/sie im Buche steht/steht* (оценка). Пример: *ein Dandy, wie er im Buche steht* ‘настоящий денди’. В данной конструкции запятая может быть факультативной. Для того, чтобы указать на необязательность элемента, необходимо после него поставить знак вопроса: [tag="SYM.*.Comma.*"]?. Полный запрос для конструкции выглядит следующим образом: [tag="N.Reg.*"] [tag="SYM.*.Comma.*"]? [lemma="wie"] [lemma="er|sie|es"] [word="im"] [word="Buch|Buche"] [lemma="stehen"], то есть первый элемент должен быть именем нарицательным; далее может идти запятая, но ее может и не быть; далее идет лемма *wie*, затем лемма *er*, *sie* или *es*, потом словоформа *im*, словоформа *Buch* или *Buche* и завершается запрос леммой *stehen*.

Как можно видеть, поиск конструкций в Sketch Engine требует от исследователя, во-первых, знания языка запросов, используемого в данном корпусном менеджере, во-вторых, изучения описания тэгов для конкретного корпуса. Преимуществом Sketch Engine является наличие большого количества корпусов (693 корпуса для 101 языка на момент написания статьи). Имеющиеся корпуса снабжены богатой морфологической разметкой, что вкпе с использованием CQL позволяет находить требуемые конструкции. В Sketch Engine имеется больше инструментов для анализа выдачи, чем в параллельном корпусе НКРЯ: есть различные опции сортировки и фильтрации выдачи, можно получить информацию по частотности лемм, словоформ или частей речи в искомом слове или фразе либо в их левом или правом контексте.

3. DeReKo

В DeReKo представлены в основном корпуса без морфологической разметки, но есть и несколько небольших корпусов с морфологической разметкой. Язык запросов

значительно отличается от языка запросов в Sketch Engine. Имеются различные виды операторов, среди которых стоит выделить:

1) Логические операторы: UND ‘и’, ODER ‘или’, NICHT ‘нет’. Вместо них можно использовать соответствующие английские операторы AND, OR, NOT. Если в запрос входит слово, совпадающее с логическим оператором (*und, nicht, oder* или *Not* ‘нужда’), то их требуется взять в прямые кавычки, например, "Not". Иначе слово интерпретируется как логический оператор.

2) Операторы дистанции: для слов — /w, предложений — /s, и параграфов — /p. После оператора идет число, указывающее на дистанцию. Например, запись *hin* /+w1 *und* означает, что сразу после *hin* идет *und*. Дистанцию /+w1 обычно указывать не нужно, так как она является дистанцией по умолчанию между элементами запроса. Запись *hin* /+w2:3 *her* означает, что между *hin* и *her* может быть от одного до двух слов. Запись *hin* /s0 *her* означает, что *hin* и *her* должны встретиться в одном и том же предложении. Есть и аналогичные операторы исключения: для слов — %w, предложений — %s, и параграфов — %p. Так, запись *von wegen* %+w1 , означает, что после *von wegen* не должно идти запятой. Запись (*hin* /+w2:3 *her*) %s0 (*hin* "und" *her*) означает, что в предложении после *hin* должно идти на расстоянии одного или двух токенов *her*, но при этом в этом же предложении не может быть последовательности *hin und her*.

3) Среди операторов словоформы выделим следующие: оператор леммы — &, оператор игнорирования регистра — \$, оператор для использования регулярных выражений⁴ #REG(). Так, запись \$*da* означает, что у словоформы *da* игнорируется регистр, то есть в выдачу попадают контексты и с *Da*, и с *da*. Запись &*haben* означает, что ищется не словоформа *haben*, а лемма. В записи #REG([,])(!:) используется регулярное выражение [,])(!:]. Оно означает, что ищутся все знаки, перечисленные в скобках. Если

---

⁴ Регулярные выражения — формальный язык поиска и осуществления манипуляций с подстроками в тексте, основанный на использовании метасимволов. Подробнее в [Фридл 2008].

использовать логические операторы, эта запись выглядела бы следующим образом: , OR .
OR) OR (OR ! OR :

4) Также имеется оператор для работы с морфологической аннотацией MORPH. Он может использоваться сам по себе, а может быть привязан к конкретному слову. Одним из морфологически аннотированных корпусов, где можно применять оператор MORPH является корпус TAGGED-T-öffentlich. Если в запросе набрать MORPH(N nn), то найдутся все имена нарицательные (nn является сокращением от *normale Nomina*). Если морфологическая информация относится к определенному слову, то необходимо использовать оператор дистанции /w0, который отсылает к самому слову. Так, запись &haben /w0 MORPH(VRB fin a) означает, что необходимо найти лемму *haben*, при этом *haben* должно быть финитным вспомогательным глаголом не в повелительном наклонении. Для выбора тэгов необходимо воспользоваться инструментом «MORPH-Assistent». Пользователь, к примеру, выбирает в нем «Verben — finit, ohne Imperativ — auxiliar», и в поле для поиска формируется соответствующий набор тэгов MORPH(VRB fin a).

Рассмотрим запросы для нескольких фразеологизмов-конструкций.

1. Для конструкции *von wegen X[!]* необязательно пользоваться корпусом с морфологической разметкой, поэтому можно обратиться к гораздо большему корпусу «W-öffentlich — alle öffentlichen Korpora des Archivs W». В запросе достаточно указать, что после *von wegen* не должно быть точки или запятой. Запрос выглядит следующим образом: *von wegen %+w1 (, OR .)* Точка и запятая заключаются в скобки, так как необходимо указать, на какие именно элементы распространяется действие логического оператора OR (только на точку и запятую, а не на все выражение «*von wegen %+w1,*» и отдельно на точку).

Если требуется исключить все знаки препинания, можно усложнить запрос и добавить оператор для регулярных выражений. Запрос выглядит следующим образом: *von*

wegen %+w1 (#REG([,])(![:])). Согласно запросу, после *von wegen* не должен идти ни один из знаков, перечисленных внутри квадратных скобок.

Для определения частотных слотов можно воспользоваться инструментом «Kookkurenzanalyse». С его помощью можно определить, какие слова чаще чем среднестатистически встречаются рядом с искомыми словами. В настройках инструмента можно ограничивать количество слов слева и справа, учитывающихся при анализе. Например, для данной конструкции можно не рассматривать слова слева и анализировать только до 3 слов справа. При таких настройках одним из частотных кооккурентов будет прилагательное *frei* ‘свободный’.

Выдачу также можно скачать (до 10 тысяч контекстов) в формате rtf или pdf. Формата, доступного для обработки в Excel, к сожалению, не представлено. При необходимости поиска частотных слов в выдаче требуются дополнительные инструменты, типа уже упомянутой *sprache*.

2. Для конструкции *X hin, X her* также можно воспользоваться основными корпусами без морфологической разметки. Запрос может выглядеть следующим образом: `(hin /+w2:3 her) %s0 ((hin "und" her) OR (hin "oder" her))`. Запись означает, что после *hin* должно идти *her*, между ними могут быть от одного до двух токенов. В этом же предложении не должно быть последовательности *hin und her* или *hin oder her*. Слова *und* и *oder* помещаются в кавычки, так как без кавычек они интерпретируются как логические операторы.

3. Для конструкции *Da hast du [dein/deinen/deine] / Da habt ihr [eure/euer/eure] N_{Akk} [!]* запрос может выглядеть следующим образом: `$da &haben (du OR ihr) (&dein OR &euer)`. Для первого элемента *da* игнорируется регистр, то есть допустимы оба написания: *Da* и *da*. Второй элемент — лемма *haben*, третьим элементом являются словоформы *du* или *ihr*, четвертым элементом — леммы *dein* или *euer*.

4. Для поиска конструкции *N [,] wie es/er/sie im Buche steht/steht* можно воспользоваться поиском по морфологически аннотированному корпусу. Первым

элементом конструкции является нарицательное существительное. В корпусе «TAGGED-T-öffentlich» в меню «Morph-Assistent» можно выбрать «Nomina — normale Nomina», после чего в поле поиска появится запись MORPH(N nn). Запрос, описывающий конструкцию выглядит следующим образом: MORPH(N nn) /+w1:2 wie (er OR sie OR es) im (Buch OR Buche) &stehen. Первым элементом является нарицательное существительное; сразу за ним или через токен от него (на этом месте может быть факультативная запятая) идет словоформа *wie*; далее идут словоформы *er*, *sie* или *es*, затем — словоформа *im*, следующим элементом является словоформа *Buch* или *Buche*, и завершает запрос лемма *stehen*.

Сравнивая язык запросов Sketch Engine и DeReKo, можно сказать, что последний более гибок в работе с дистанцией. В DeReKo легче указать, что один из элементов может идти до или после другого элемента (для этого вместо /+w достаточно написать /w, то есть убрать знак плюса), и легче искать по элементам внутри одного предложения (для этого достаточно между элементами указать дистанцию /s0). В Sketch Engine необходимо отдельно описывать каждый вариант расположения элементов. DeReKo также допускает использование регулярных выражений, что может дать больше опций для поиска. Преимуществом Sketch Engine является наличие в нем большого количества грамматической информации. В морфологически аннотированных корпусах DeReKo есть возможность поиска по частям речи, но нет разметки для рода, числа, падежа, в то время как в Sketch Engine подобная информация имеется для всех корпусов.

Поиск фразеологизмов-конструкций в корпусе требует от исследователя знания языка запросов соответствующего корпусного менеджера и в ряде случаев работы с описанием тэгов к конкретному корпусу. Языки запросов в корпусных менеджерах могут сильно отличаться друг от друга, как было показано в статье на примере DeReKo и Sketch Engine, что усложняет работу исследователя. Для выявления частотных слотов конструкции может быть достаточно имеющихся в корпусных менеджерах инструментов (Kookkurenzanalyse в DeReko, Frequency в Sketch Engine, n-граммы в Основном корпусе НКРЯ), особенно если слот заполняется одним словом определенной части речи. Если

наблюдается широкое варьирование в заполнении слота, имеющих в корпусах инструментов может не хватать. В таком случае исследователю приходится прибегать к анализу полученной из корпуса выдачи, в том числе, с помощью Excel-таблиц или инструментов обработки естественного языка.

Источники

НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <https://ruscorpora.ru>.

НКРЯ. Инструкция // <https://ruscorpora.ru/new/instruction-main.pdf>.

DeReKo — Deutsches Referenzkorpus // <https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web/>.

DeReKo. Syntax der Suchanfragen // <https://www2.ids-mannheim.de/cosmas2/web-app/hilfe/suchanfrage/eingabe-zeile/syntax/>.

Konstruktikon des Deutschen // <https://gsw.phil.hhu.de/constructicon/>.

Radovan B., Endresen A., Janda L.A., Lund M., Lyashevskaya O., Mordashova D., Nessel T., Rakhilina E., Tyers F.M., Zhukova V. The Russian Constructicon. An electronic database of the Russian grammatical constructions. 2021. // <https://constructicon.github.io/russian/>.

Sketch Engine // <https://www.sketchengine.eu>.

Sketch Engine. Tagset zum deutschen Korpus German Web // <https://www.sketchengine.eu/german-rftagger-part-of-speech-tagset/>.

Sketch Engine User Guide // <https://www.sketchengine.eu/guide/>.

SpaCy. Industrial-Strength Natural Language Processing // <https://spacy.io>.

Литература

Добровольский Д.О., Кротова Е.Б., Парина И.С. Корпусная лексикография (материалы мастер-класса) // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т.22. — М.: Языки славянской культуры: Знак, 2014. С. 237—278.

Добровольский Д.О. Грамматика конструкций и фразеология // Вопросы языкознания, № 3, 2016. С. 7—21.

Захаров В.П. Корпусная лингвистика. Учебно-методическое пособие. СПб., 2005.

Кротова Е.Б. Sketch Engine для лингвистических исследований. // Германистика сегодня. Материалы Международной научно-практической конференции (Казань, 16—17 октября 2018 г.). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2019. С. 107—112.

Фридли Дж. Регулярные выражения, 3-е издание. СПб.: Символ-Плюс, 2008.

Pavlova A. Mehrsprachige Datenbank der Phrasem-Konstruktionen // Proceedings of the XX EURALEX International Congress: Dictionaries and Society, 2022. P. 594—604.

Ziem A., Flick J. Constructicography at work: implementation and application of the German Constructicon // Yearbook of the German Cognitive Linguistics Association. 2019. S. 201—214.

Phraseological Constructions in German:

Corpus Search and Analysis of Slot Fillers

E.B. Krotova (Institute of Linguistics,

Russian Academy of Sciences)

The article deals with one of the areas of modern phraseological research, namely, phraseological constructions. Finding them in a corpus can be a challenging task even for an experienced user. On the example of several German phraseological constructions the article shows how to carry out complex search queries in the Russian National Corpus, DeReKo, Sketch Engine, as well as how to obtain frequency information about slot fillers.

Keywords: phraseological constructions, corpus linguistics, phraseology, corpus search.

**Романский мир и нидерландский язык: к проблеме
лингвистических контактов**

И. И. Чельшева (Институт языкознания РАН)

Аннотация

Статья посвящена контактам в диахронии романских языков, прежде всего французского, с нидерландским. Северо-восточные регионы Франции и бельгийская Валлония граничат с зоной распространения нидерландского. Активные контакты с раннего средневековья обеспечили появление во французском достаточно многочисленных заимствований, которые, проникая в язык устным путем, существенно преобразовывались фонетически и морфологически. Особый интерес представляет сосуществование двух языков в одном государстве: в герцогстве Бургундском в XIV—XV вв.. В статье также рассматриваются этнонимы и лингвонимы, которые исторически прилагались во французском к нидерландскому и к носителям этого языка.

Ключевые слова

История французского языка, история итальянского языка, нидерландский язык, лингвонимы, этнонимы.

История взаимодействия языков при контактах романоязычных и германоязычных народов исследована довольно неравномерно: есть такие периоды и такие лингвистические ситуации, когда это взаимодействие во многом определило формирование и развитие романских языков. Это, прежде всего, эпоха германских завоеваний V—VIII вв., которая повлияла и на фрагментацию романского языкового ареала, и на формирование языковых структур романских языков. Соответственно, и в лингвистической литературе этому периоду посвящено немало интересных исследований, некоторые из которых в романистике стали классическими. Достаточно упомянуть работы Дж. Бонфанте [Bonfante 1965] или Э.

Гамильшега [Gamilscheg 1962], хотя последнее исследование, написанное в 30-х годах XX в., содержит ряд довольно спорных положений. Можно вспомнить относительно недавние работы и удачные проекты, посвященные существованию французского языка в Англии и Шотландии с конца XI в., среди которых [AND], [Trotter 2013] и другие.

Наша статья посвящена проблеме контактов в диахронии романских языков с германскими наречиями тех территорий, которые стали частью Нидерландов и Бельгии, т.е. с ареалом нидерландского языка. Для французов это северо-восточные соседи, для носителей других романских языков — иностранцы, среди которых были воины и паломники, студенты и дипломаты, монахи и ремесленники. Этими контактами лингвисты занимались гораздо меньше, но в исторических и культурологических работах темам, так или иначе связанным с взаимодействием романского мира с территориями, где говорили по-нидерландски, посвящено немало интереснейших страниц, среди которых особое место занимают труды Й. Хейзинги [Huizinga 1936; Huizinga 1948]. Что касается собственно лингвистического аспекта этих связей, т.е., в частности, интересующих нас заимствований из нидерландского в романские языки, то до сих пор актуальной остается старая, но богатая материалом работа М. Вальхофа [Walkhoff 1931].

Мы ограничимся эпохой Средних веков, не затрагивая XVI век и выбрав взгляд лишь с одной стороны, со стороны романских языков, что и определило наше обращение в основном к французским и итальянским источникам. При этом особое значение приобретает столетие, начавшееся с середины XIV в., когда в состав одного государственного образования — герцогства Бургундского, вошли территории и с французским, и с нидерландским языками. Рассмотрим также, как в этот период нидерландский язык воспринимался романскими соседями, как именовали его носителей и какие лингвонимы употреблялись по отношению к этому языку.

Остановимся на типах контактов романских языков с нидерландским (или с теми наречиями, которые можно считать предками нидерландского языка). Начнем с того, что северо-восточная часть современной Франции и часть нынешней Бельгии — Пикардия,

Артуа, Валлония, Эно (Геннегау), исторические франкоязычные или частично франкоязычные, соприкасались с нидерландским ареалом непосредственно. Свидетельством активных живых контактов носителей романского языка с говорящими на нидерландском являются достаточно многочисленные заимствования из нидерландского во французском языке. По большей части эти заимствования зафиксированы только во французском, а в других романских языках их нет, или же французский язык стал посредником для дальнейшего распространения этих слов в других языках. Остановимся на некоторых общих характеристиках этих заимствований, подтверждающих их проникновение в язык путем устных контактов, вероятнее всего, в пограничной между двумя лингвистическими ареалами зоне. Во-первых, это достаточно ранние заимствования, первая фиксация которых может относиться уже к XII—XIII вв. Во-вторых, они принадлежат к семантическим сферам повседневной деятельности, для этих регионов характерной — морские и речные перевозки, рыбная ловля, торговля, строительство. При этом развитие слова во французском языке могло выводить лексему из той сферы, к которой она изначально принадлежала. Во французском слове *étape* ‘этап’, распространившемся через французский и в другие языки, трудно увидеть нидерландск. *stapel* ‘ сложенные вещи, стопка вещей’, откуда ‘склад’. Но первая фиксация 1280 г. во французском представлена именно в этом значении [Rey]. В дальнейшем эта лексема стала обозначать доставку военного снаряжения; остановку (привал), где это снаряжение получали; часть пути между двумя остановками. Дальнейшие преобразования уже французского слова еще дальше уводили заимствование от нидерландского этимона; см. итал. *tappa* ‘этап’.

Проникавшие во французский язык устным путем нидерландские заимствования приспособлялись к французской фонетике, что было довольно сложно, учитывая различия в фонетическом составе романского и германского языков. Отсюда иногда достаточно сложные трансформации, которые делают нидерландское слово в его французской форме неузнаваемым. Интересным примером таких преобразований можно считать франц. *blocus* ‘блокада’. И форма, и произношение этого слова как [blokys] напоминают существующие

во французском языке редкие книжные латинизмы, в которых сохраняется латинское окончание *-us*: *lotus* ‘лотос’, *virus* ‘вирус’. Однако это псевдо-латинизированное звучание слова явилось результатом изменения в устной речи средненидерландского сложного слова *blochhuus* ‘дом из бруса, крупных бревен’. Его наиболее ранняя фиксация в валлонском тексте в виде *blokehus* [Rey] еще сохраняла видимую связь с германским этимологом, затем утратившуюся. Соответственно, обозначение укрепленного строения, преграждавшего вход в порт, перешло на обозначение комплекса мер, целью которых было закрытие доступа не только к портам, но и к другим объектам.

Нередко слово в процессе заимствования переосмыслялось также и морфологически, переходя в другую часть речи. Французское существительное *vacarme* ‘грохот, шумный беспорядок, вопли’ засвидетельствованное с 1288 г. [TLF] представляет собой субстантивацию нидерландского восклицания *wacharme!* ‘Горе мне! Несчастный я!’. Воссоздается очень живая картина восприятия франкоязычным свидетелем восклицаний на чужом языке.

Довольно своеобразно и освоение во французском языке одного из самых известных нидерландских заимствований — *drogue* ‘снадобье, лекарство’, а в современном языке прежде всего ‘наркотик’. Считается, что это существительное представляет собой часть из словосочетания *droge vate* ‘сухие бочки’. Во французский было заимствовано лишь прилагательное с метонимическим сдвигом значения от наименования сосуда к наименованию содержимого, т.е. какие-то высушенные травы, смеси и прочие сухие продукты [Rey].

Интересно отметить, что во французский язык вошли заимствованные из нидерландского несколько глаголов говорения с отрицательной коннотацией, что, видимо, связано с восприятием на слух чужой и чуждой речи: *radoter* ‘бредить, нести чушь от средне-нидерландск. *doten* ‘бредить, сходить с ума’, *grommeler* ‘ворчать, бурчать’ от нидерланд. *grommen*, *bégayer* ‘заикаться, запинаться’ от *beggen* ‘болтать’ (последняя этимология спорная, но, на наш взгляд, приемлемая) [FEW].

Все приведенные примеры свидетельствуют, что нидерландские заимствования раннего периода (XIII—XV вв.) проникали во французский устным путем, при непосредственном контакте носителей романского и германского языков. Исторические данные также подтверждают, что в повседневной торговой и деловой практике, которая связывала Фландрию, Брабант, Зеландию, Валлонию и районы северо-восточной Франции, устное французо-нидерландское двуязычие было необходимым элементом эффективной деятельности. Так, Жорж Шастелен (1415—1475), самый видный из хронистов герцогства Бургундского, о котором речь пойдет ниже, принадлежал к известному фламандскому роду, чье состояние обеспечивали торговля, речные и морские грузоперевозки. По официальным и семейным документам очевидно, что те, кто был причастен к такой деятельности, кроме родного нидерландского владели французским и учили французский [Small, Lievois 1994].

Перейдем к другому аспекту взаимодействия языков, который связан с их функционированием в составе одного государства и с деятельностью властей этого государства. В случае с французским и нидерландским особое внимание привлекает языковая ситуация в герцогстве Бургундском. В результате династического брака сын короля Франции Филипп II Отважный (Philippe le Hardi), герцог Бургундский, во второй половине XIV в. присоединил к своим владениям обширные земли: Фландрию, Артуа, Невер, Ретель. Его наследники в XV в. утвердили свою власть над Фрисландией и Зеландией, герцогством Брабантским и маркграфством Антверпенским.

Так возникло и развивалось достаточно мощное государственное образование (хотя и зависевшее от Франции), на территории которого бытовали два основных языка — нидерландский и французский. «Золотой век» Бургундского герцогства продлился чуть более столетия — после гибели в битве при Нанси в 1477 г. герцога Бургундии Карла Смелого (Charles le Téméraire) началась война за Бургундское наследство между Францией и домом Габсбургов.

Герцоги Бургундии должны были учитывать лингвистическую неоднородность населения своих владений. Нидерландские территории переходили во владение французской династии Валуа, и вопрос о языке мог ставиться на уровне верховной власти. Не рассматривая сложный процесс оформления институтов власти бургундских герцогов над Фландрией, отношения герцогской власти с французской монархией и степени самостоятельности властителей Бургундии, отметим внимание к языковым проблемам, элементы своего рода лингвистического законодательства эпохи «осени Средневековья» (по известному определению Й. Хейзинги). Уже упомянутый Филипп Смелый, герцог Бургундии, приобретал права на земли Фландрии путем династического брака с Маргаритой, наследницей герцогов Мальских. В наследство Маргариты входила и так называемая *Flandre Wallingante* (Валлонская Фландрия), включавшая франкоязычные шателенства Лилля, Дуэ и Орши. Накануне бракосочетания Филипп пообещал, что шателенами в Лилль будут назначаться только *Flamans flamengans, nés de Flandre* ‘фламандцы, по-фламандски говорящие и рожденные во Фландрии’ [Boone 2009, 19]. Мы обратили внимание именно на этот эпизод, поскольку речь идет о франкоязычных преимущественно территориях, куда, тем не менее, предполагалось назначать фламандцев. Лингвистический выбор определялся политическим решением: таким путем герцог рассчитывал надежно обеспечить передачу этих земель, не раздражая фламандскую верхушку.

Сын Филиппа Смелого, Иоанн Бесстрашный (Jean Sans Peur), нидерландский выучил и даже избрал своим девизом выражение на этом языке *Ik hood* ‘Я держу’. Конфликт этого герцога Бургундского с французским престолом, вылившийся в войну между Арманьяками и Бургиньонами, косвенно вполне мог поспособствовать повышению оценки нидерландского языка в восприятии властей герцогства Бургундского. Династия Валуа оставалась франкоязычной, но знание нидерландского учитывалось при назначении на высокие посты во Фландрии. Официальная информация, как письменная, так и устная, нередко представлялась на двух языках: *Auquel lendemain les deux matières furent rafraichies et*

recolées, premièrement en thiois, secondement en français par la bouche de maistre Gort ‘Назавтра оба документа были обновлены и собраны воедино сначала по-нидерландски, а затем по-французски устами мэтра Горга’ [DMF], 1476 г.

М. Боон справедливо отмечает, что для Средних веков язык не имел важного значения в структуре государственных символов и не играл особой роли в определении государственной принадлежности. Но как дополнительный элемент, смягчавший или, наоборот, подчёркивающий противостояние борющихся сторон, язык вполне мог привлекаться. Так, в 1451 г. восставшие против власти герцога главы города Гента заявили, что всю официальную корреспонденцию с любым адресатом город будет вести только по-фламандски [Boone 2009, 79].

Однако французский язык безусловно доминировал в Бургундском герцогстве как язык правящей верхушки, язык культуры, язык литературы. Именно в последней из перечисленных сфер он более всего изучен (см., например, известную работу [Doutrepoint 1970], впервые опубликованную еще в 1909 г.). В истории французской литературы есть такое понятие как «Бургундская» литература (*littérature Bourguignonne*); речь идет об авторах и о произведениях, связанных с двором герцогов Бургундских, но составлявших часть литературы Франции в целом. Среди этих авторов уже упомянутый Жорж Шастелен (Шателен, Шатлен), Оливье де Ла Марш (1425—1502) и Жан Молине (1435—1507) — крупнейшие хронисты той эпохи и видные представители поэтической школы Великих Риториков (*Grands Rhétoriciens*). С точки зрения анализа языковых контактов наибольший интерес представляет языковой выбор Жоржа Шастелена. Й.Хейзинга считал, что фламандец Шастелен, именованный при рождении Йорис Кастелен (*Joris Castelain*), выучил французский довольно поздно, но писал он только по-французски. Во многих работах приводятся строки Шастелена, где он уничижительно отзывается о собственном фламандском происхождении: *homme flandrin, homme de palus bestiaux... ygnorant, bloisant de langue, gras de bouche et de palat et tout enfangié d'autres povretés corporelles à la nature de la terre* ‘фла-

мандец, человек с болот, где пасут скот, невежественный, с заплетающимся языком, обжора и весь погрязший в телесных грехах, этой земле присущих' (Цит. по: [Huizinga 1948, 179]). Подобное высказывание следует оценивать с учетом риторически преувеличенной авторской скромности, но, как и многие другие уроженцы Фландрии, Шастелен видел для себя в функции литературного языка только французский.

Носители французского языка, постоянно контактируя с разными германскими народами, достаточно четко выделяли нидерландоязычное население. В этом плане интересен старинный французский этноним и лингвоним *thiois*, *thyois*, перевод которого вызывает затруднение. *Thiois* возводится к германскому *theodisc, производному от древнегерманского *theudō 'народ' [FEW]. Таким образом, с точки зрения происхождения франц. *thiois* оказывается родственным современному самоназванию немцев *Deutsch*. *Theodiscus*, *thiodiscus* в латыни каролингского периода постоянно использовалось в документах для обозначения языка германцев и самих германцев [Du Cange].

В истории французского языка широко известно первая фиксация этого слова. В «Песне о Роланде» (1080) *Tiedeis* появляются при перечислении рыцарей, явившихся на совет к Карлу Великому: *Baivier e Saisne sunt alet à cunseill, e Peitevin e Norman e Franceis; asez i as Alemans e Tiedeis*. Как видим, из германских народов достаточно однозначно можно идентифицировать баварцев (*Baivier*) и саксонцев (*Saisne*). *Alemans* соотносится с аллеманами, представителями союза западных германских племен, по наименованию которых во французском языке именуют Германию – *Allemagne*. *Tiedeis* представляет собой очень раннюю форму, в которой еще сохранился *-d-* в интервокальном положении, утраченный во французском. Скорее всего, имеются в виду северные германские племена, т.е. фламандцы. Но, с другой стороны, этнонимы в эпических поэмах использовались весьма своеобразно, как бы аккумулируясь в перечислениях: чем больше разных рыцарей будет перечислено, тем лучше будет передана мощь войска Карла Великого. Поэтому соотнесение эпических *Tiedeis* с фламандцами вполне возможно, но не обязательно.

Thiois нередко использовалось в паре с *Allemand* без уточнения, к кому из восточных соседей французов эти этнонимы относятся. Это обозначение могло выступать как синоним *flammand* ‘фламандский’, но и могло вставать с ним рядом. См., например, известные строки из фаблио первой половины XIII в. «Du Prestre et de la Dame» ‘О Священнике и о Даме’, где нетрезвый персонаж начинает говорить на всех языках сразу: *...commence a paller latin et postroillaz et alemand, Et puis tyois et puis flemmanc...* ‘он начинает говорить на латыни, и на жаргоне, и на немецком, а потом еще и на *tyois*, и на фламандском’ [Fabliau].

Возникает вопрос, что имелось в виду под *tyois*, если фламандский язык в этом фаблио упомянут отдельно? Видимо, нужно разделять три типа употребления этого лингвонима и этнонима. Во-первых, как мы уже отметили, это указание на язык Фландрии и территорий нидерландского ареала в целом. Во-вторых, это обозначение любого германского наречия. Если при этом это наречие территориально соотносится с территорией современной Германии, вполне можно трактовать это слово как ‘немецкий’. При перечислении *thiois* в ряду других германских и не-германских идиомов в некоторых текстах типа упомянутого фаблио в принципе неважно, о каком именно языке идет речь. Такое перечисление оказывается своего рода стилистическим приемом, чтобы подчеркнуть, что персонаж говорил на многих языках.

И третье, наиболее интересное использование, это различие *thiois* и *flammand* как разных языков. Заметим, что подобное употребление нередко фиксируется в текстах, написанных уроженцами восточной Франции, непосредственно контактировавшими с носителями германских наречий и хорошо в них разбирающимися.

Так, знаменитый французский хронист XIV в. Жан Фруассар (1337—1405), уроженец Пикардии, различает фламандцев и *Thiois*: *Si disoient les Alemans, les Thiois, les Flamens et Englois que le prince de Galles estoit la fleur de toute la chevalerie du monde* ‘И говорили немцы, *Thiois*, фламандцы и англичане, что принц Уэльский был лучшим из рыцарей всего

мира' [Froissart]. У Фруассара определение *thiois* прилагалось, вероятнее всего, к германском наречиям Лотарингии, Эльзаса и Люксембурга, относящимся к группе рейнско-франкских и мозельско-франкских диалектов, которые хронист отличал от собственно нидерландского. Выходцев из этих районов он и именовал *Thiois*. Это подтверждает и сохранившееся во Франции старинное название германоязычной части исторической провинции Лотарингия — *Lorraine Thioise*. Определить точнее, о каком диалекте идет речь, не представляется возможным: в этом регионе лингвистические границы имеют сложные очертания, а политическая и административная принадлежность в диахронии менялась неоднократно и постоянно; см. обзор в [Méchin 2001].

Судя по топонимам, у этого слова в применении к Лотарингии очень давняя традиция. Поскольку Лотарингия делится на франкоязычную и германоязычную зоны, там возможны одинаковые топонимы в обеих частях. Интересен с лингвистической точки зрения пример с двумя городками на севере Лотарингии: оба носят одно и то же название *Audun*, Оден явно субстратного, кельтского происхождения. Находящийся на территории французского языка Оден именуется *Audun-le-Roman* 'Романский Оден'. В германской же части расположен *Audun-le-Tiche*, где *Tiche* восходит к упомянутому *theodiscus*.

Естественно, что при рассмотрении романско-нидерландских контактов в центре внимания оказывается французский язык. В истории итальянского языка, ареал которого непосредственно с нидерландским не соприкасался, *fiammingo* 'фламандский' было основным лингвонимом и этнонимом для обозначения носителей нидерландского, в том числе и тех, кто происходил не из Фландрии [TLIO]. Источник же французского *thiois*, позднелатинская форма *theodiscus*, преобразовалась в итальянском в *tedesco* и стала основным обозначением для немцев и немецкого языка в целом. Итальянский, таким образом, сохраняя дистанцию, ограничился самыми общими наименованиями германских наречий.

Источники и сокращения.

AND — The Anglo-Norman Dictionary. www.anglo-norman.net.

DMF — Dictionnaire du Moyen Français (1330-1500). www.atilf.fr/dmf.

Du Cange — Du Cange, et al. Glossarium mediæ et infimæ latinitatis. Niort, 1883—1887
<http://ducange.enc.sorbonne.fr/>

Fabliaux — Recueil général et complet des fabliaux des XIIIe et XIVe siècles imprimés ou inédits, publiés avec notes et variantes d'après les manuscrits par MM. A. de Montaiglon et G. Raynaud, Paris : Librairie des bibliophiles, 1872. T. 2 <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k209379m.texteImage>

FEW — Wartburg W., von. Französisches Etymologisches Wörterbuch. Eine darstellung des galloromanischen sprachschatzes. Leipzig – Bonn - Bâle, 1922-2002. <https://apps.atilf.fr/lecteurFEW/>

Froissart — The On-line Froissart. A digital edition of the Chronicles of Jean Froissart
<https://www.dhi.ac.uk/onlinefroissart>.

Rey — Rey A. Dictionnaire historique de la langue française. V.1-3. Paris : Le Robert, 1992.

TLIO — Tesoro della lingua italiana delle origini. <http://tlio.ovi.cnr.it/TLIO/>

Литература

Bonfante G. Latini e Germani in Italia. Bologna : Patron, 1965.

Boone M.. Langue, pouvoirs et dialogue: Aspects linguistiques de la communication entre les ducs de Bourgogne et leurs sujets flamands (1385—1505) // Revue du Nord, 379, 2009. Pp. 9—33.

Doutrepoint G. La littérature française à la cour des ducs de Bourgogne. Genève: Droz, 1970.

Gamilscheg E. Romania Germanica. Sprach- und Siedlungsgeschichte der Germanen auf dem boden des alten Romerreichs. Bd. 1. Berlin: De Gruyter, 1962.

Huizinga J. 'Erasmus über Vaterland und Nationen // Gedenkschrift zum 400 Todestage des Erasmus von Rotterdam. Basel: Braus-Riggenbach, 1936. Pp. 36—49.

Huizinga J. L'état bourguignon, ses rapports avec la France, et les origines d'une nationalité néerlandaise// Huizinga J. Verzamelde werken. Deel 2. Harlem: Tjeenk Willink & Zoon, 1948. Pp.161—215.

Méchin C. Des langues et des cultures en Moselle // Limites floues, frontières vives: Des variations culturelles en France et en Europe. Paris: Éditions de la Maison des sciences de l'homme, 2001 <http://books.openedition.org/editionsmsh/2924>>.

Small G., Lievois D. Les origines gantoises du chroniqueur George Chastelain (ca.1414 — ca.1441) // Handelingen der Maatschappij voor Geschiedenis en Oudheidkunde te Gent Ser. NR. № 48, 1994. Pp. 121—177

Trotter D. «Deinz certains boundes»: where does anglo-norman begin and end? // Romance Philology. Vol. 67, № 1 (Spring 2013). Pp. 139—177.

Valkhoff M. Étude sur les mots français d'origine néerlandaise. Bruxelles: Published by Valkhoff et Cie, 1931.

Roman World and the Dutch language: languages in contact

**I. I. Chelysheva (Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences)**

The article focuses on the diachronic contacts of Romance languages, primarily French, with the Dutch language. Both north-eastern regions of France and Wallonia in Belgium border on the linguistic areal of Dutch. Dynamic contacts started in the early Middle Ages, which brought a number of loanwords into French. These, penetrating mainly through spoken language, were subject to major phonetic and morphological transformations. Two languages coexisting in the same state, the Duchy of Burgundy in the 14th and 15th centuries, are of special interest. The article also deals with French linguonyms and ethnicons applied in historical context to Dutch and the native speakers of Dutch.

Keywords: history of French, history of Italian, Dutch language, linguonyms, ethnicons.

Содержание

Проблемы описания языка

Ануфриев А.А. (Институт языкознания РАН). Вариативность наклонений в безличных эпистемических конструкциях с пропозициональным дополнением в испанском и итальянском языках.....	4
Васильева Н.В. (Институт языкознания РАН). Материалы к Словарю терминов литературной ономастики.....	28
Гулыга О.А. (Институт языкознания РАН). Многоязычие во Франции в прошлом и настоящем. Краткий очерк.....	48
Дронов П.С. (Институт языкознания РАН). ГРИМАСА: концептуальный анализ.....	67
Кротова Е.Б. (Институт языкознания РАН). Фразеологизмы-конструкции в корпусе: особенности поиска и анализа выдачи (на материале немецкого языка).....	76
Чельшева И.И. (Институт языкознания РАН). Романский мир и нидерландский язык: к проблеме лингвистических контактов.....	91

Об авторах

Ануфриев Александр Александрович, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора романских языков Института языкознания РАН; e-mail: colombaaa@list.ru.

Васильева Наталия Владимировна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора прикладного языкознания Института языкознания РАН; e-mail: vasileva-natalia@iling-ran.ru.

Гулыга Ольга Арсеньевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора романских языков Института языкознания РАН; e-mail: ogulyga@yandex.ru.

Дронов Павел Сергеевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-образовательного центра теории и практики коммуникации им. Ю. С. Степанова Института языкознания РАН; e-mail: dronov@iling-ran.ru.

Кротова Елена Борисовна, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник сектора германских языков Института языкознания РАН; e-mail: elena_krotova@inbox.ru.

Челышева Ирина Игоревна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, и.о. зав. отделом индоевропейских языков; e-mail: chelirin@gmail.com.